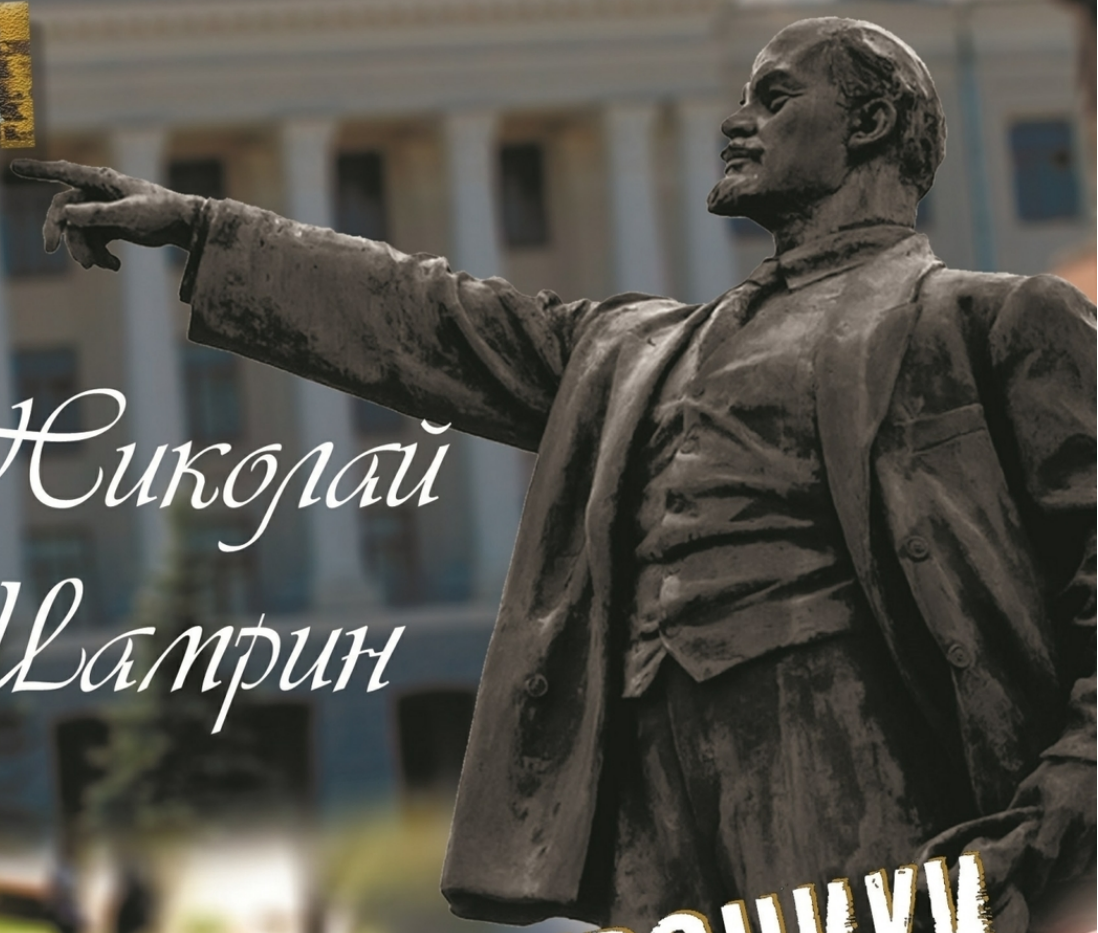

ДУЖАРИНИ

*Николай
Шапкин*

СОВРЕМЕННЫЕ ХРОНИКИ

славного города Засарайска

16+

Николай Шамрин

**Современные хроники
славного города Засарайска**

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Шамрин Н.

Современные хроники славного города Засарайска /
Н. Шамрин — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Роман повествует о жизни небольшого провинциального городка, расположенного в центральной части страны. События развиваются в преддверии выборов главы города. Основная мысль произведения: эволюция жизненных философии и позиций главных героев книги. В романе присутствуют несколько линий, от любовной до детективной. Сюжет основан на событиях, связанных с выборами мэра подмосковного городка, в которых непосредственное участие принимал и сам автор.

Позволь мне рассказать о том, как идут дела,
Новости какие в нашем маленьком городке...
Чиж и КО (О.К.)

Немного истории или введение в Хроники

Город Засарайск расположен где-то в центре Восточно-Европейской равнины, между Доном и Уральскими горами. Происхождение названия не установлено. Есть мнение, что оно перешло от бывшего здесь в стародавние времена села Малые Сарай, жители которого занимались изготовлением и продажей небольших закров и сусек. Несколько крестьян, обидевшись на соседей, переселились на правый берег ручья и обосновали здесь небольшую деревеньку без названия. Долго так продолжаться не могло, и «левобережные» жители стали называть отщепенцев «засарайцами». Впоследствии ручей пересох, а «засарайцы» как бы «поглотили» Малые Сарай и переквалифицировались в шорников. Говорят, что именно так и возник Засарайск.

Население города колеблется от 25 до 60-ти тысяч человек, в зависимости от сезонности. Летом показатели численности близки к минимальным значениям, а поздней осенью мужчины и девушки возвращаются с заработков, чтобы отдохнуть, помыться и улучшить количественные показатели Засарайска.

По итогам переписи 2010 года коренным народом Засарайска являются ведороссы (85%). Так как закон не запрещал регистрировать экстремальные названия этносов, то ведороссы тоже имеют право на существование даже в Засарайске. Откуда жители узнали о возможности раскрыть свою подлинную национальность и почему они были так единодушны в своём определении, так и остаётся тайной.

Градообразующим предприятием является крупнейший в Европе комбинат шорных изделий, построенный ещё в 1933-м году. Официальное наименование предприятия – ООО «Засшорком», но в народе его зовут гораздо проще – «шорка». Кроме того, в городе функционируют «Завод экспериментального ларькостроения» (сокращённо ЗЭЛАС), маслобойня и цех по производству мороженого.

Есть чем гордиться руководству Засарайска. Так, например, на одного жителя приходится 0,7 аптеки, 0,6 парикмахерской, половина юриста, одна треть похоронного агентства с мастерской по изготовлению памятников и ровно четверть шиномонтажной мастерской. Сложно выработать соответствующую методику расчёта, но если учесть, что половина мужчин Засарайска, не выезжающих в тёплые времена в областной и столичные центры, служат в четырёх охранных агентствах, то можно смело сказать, что проблема занятости населения в городе успешно решена. Однако, похоже, что апофегма Ильфа и Петрова в Засарайске требует дополнения, так как между стрижкой и похоронами среднестатистическому жителю города необходимо ещё съездить на заработки, сходить в аптеку и поступить в охранники на «шорке», предварительно посетив юриста. Впрочем, это, наверное, везде так.

К чести руководства города, нужно отметить, что забота о горожанах является первоочередной задачей мэрии. Чего стоит суперпроект первого заместителя мэра Эдуарда Забегалова под названием «Каждому засарайцу – по шаверме»! Благодаря этому начинанию ЗЭЛАС получил муниципальный заказ на пятьсот тысяч рублей для изготовления ста ларьков с электропечами, холодильниками, туалетами и громкоговорителями. Согласно ТЗ, ларьки должны быть выкрашены в «естественные тона», и, очевидно, именно поэтому проект до сих пор пребывает в эмбриональном состоянии стартапа. Дело в том, что сам господин Забегалов находится в длительной командировке на «Высших курсах повышения креативности», и никто в правительстве Засарайска не знает, какие они, «естественные тона». Даже сам мэр. Впрочем, жители города уверены, что выделенные деньги уже давно освоены, иначе откуда взялась пяти-

десятиметровая асфальтовая дорожка перед загородным домом руководителя? Скорее всего, это лишь пустые разговоры. Мэр, как настоящий руководитель, не стал отмалчиваться и дал исчерпывающие разъяснения. Если не углубляться в подробности, то обоснования решения просты и понятны: состав покрытия экспериментальный и глава города не мог рисковать имиджем Засарайска, уложив асфальт на Центральном проспекте. И, в самом деле, что бы подумали иностранные туристы, если бы дорожное покрытие оказалось неадаптированным к местным условиям?

В области среднего, среднего специального образования, да и высшего образования в городе царит полное благополучие. Все без исключения школы Засарайска своевременно включены в перспективный план реконструкции и развития, который должен стартовать в ближайшие годы. Но планы – планами, а современное образование требует серьёзной материально-технической поддержки, и именно поэтому в школы этим летом были преданы абсолютно новые, метровые счёты на двуногах и калькуляторы на солнечных батареях. Поистине, прогресс дошёл и до глубин страны.

Не секрет, что развитая промышленность постоянно нуждается в качественно подготовленных специалистах. Засарайск не мог оставаться в стороне от современных тенденций и первым в области преобразовал три ПТУ и ремесленное училище в технические колледжи, подняв тем самым статус учреждений. Теперь мэр должен определить, какого профиля специалисты необходимы предприятиям Засарайска. Согласитесь, что проблема явно не рядовая, и поэтому её решение отложено руководством города на последний квартал следующего года. Ну а пока пустующие классы и мастерские колледжей сдаются в аренду. Кстати, именно там размещается большинство шиномонтажных предприятий. Рачительность – вот «второе имя» мэра! Средства, вырученные от аренды, идут на благоустройство Засарайска. Благодаря такому подходу на центральной площади удалось заменить устарелые бордюры совершенно новыми поребриками.

Город мало уступает столицам в плане креатива. И поребрики тому подтверждение. Сотрудники администрации в шутку говорят, что сердце мэра принадлежит северной столице, но разумом он истинный житель Белокаменной: деятельный, непоседливый, всегда оперативно откликающийся на веяния времени. В позапрошлом году, вернувшись из командировки в столицу, мэр ребром поставил перед администрацией вопрос о развитии высшей школы в Засарайске. В местной прессе были приведены самые яркие тезисы его выступления. Наполненные простыми, понятными словами, тезисы очень понравились жителям, но только для печатного издания они не подходят. Слишком уж много темперамента и экспрессии. А вот людям по душе бескомпромиссность их лидера. Кстати сказать, в отличие от руководителей соседних городских округов, мэр поставил конкретные сроки для решения этой проблемы, предоставив министру образования города только две недели! Недоброжелатели назвали руководителя «самодуром», но, вопреки злым языкам и козням, вопрос о высшей школе в городе был решён кардинально и в установленные сроки. Так возникла ныне знаменитая на всю страну Академия лингвистики скандинавских языков и южноафриканских наречий. Сокращённо «ЗАЛСЯ-ЗЮН». Министерство просвещения страны на удивление быстро выдало все разрешительные документы и даже включило новое учреждение в какую-то смету. Город также оперативно решил вопрос о здании академии, выделив для неё пустующие конюшни шорного предприятия. Штатное расписание утвердило само Министерство, обязав, впрочем, мэра обеспечить профессорско-преподавательский состав служебным жильём. Деньги, выделенные правительством на развитие высшей школы, по-хозяйски были потрачены на строительство академического городка на южной окраине города и теперь там красуются три трёхэтажных коттеджа, обнесённые трёхметровым забором. Есть и охрана, любезно предоставленная ведущим охранным агентством Засарайска с соответствующим названием «ЧОП. Спокойная жизнь». До приезда профессуры в коттеджи временно заселили молодые семьи, острануждающиеся в жильё

и охране. Что тут скажешь? Городские власти находят время и средства для оказания помощи и этим категориям горожан. Правда, и здесь злые языки распускают слухи, что остронуждающиеся молодые семьи на самом деле являются детьми первых лиц города и до сих пор проживают в престижном районе города, используя коттеджи как дачи. Вернее, как загородные дома. Факты, естественно, не подтвердились, так как прокурорская проверка показала их абсурдность. Лично мы верим в объективность официальных документов, а вот пресловутые «злые языки» сообщили, что иначе и быть не могло, так как в третьем коттедже проживает сын прокурора города. Оставим на их совести эти наветы и двинемся дальше.

Пресса. Нам кажется, что даже в самых удалённых уголках страны есть свой печатный орган. Интернет – интернетом, но по старинке любят наши люди почитать новости на бумажном носителе. Кто – где. В постели, в транспорте, в очереди к стоматологу или даже в туалетной комнате. Их право. В Засарайске есть три совершенно независимые газетные редакции, и все они объективно освещают жизнь города и горожан. Редакторы – люди ответственные и политику редакционную строят, исходя из своих принципов. Нам кажется, что именно таким стандартам и должны отвечать подлинно демократические издательства. Профессиональная этика и профессиональное мужество – вот визитная карточка четвёртой власти Засарайска. И это несмотря на финансовую зависимость от администрации города. Тут ведь и в самом деле не до рентабельности, и уж тем более не до прибыли, ведь, по закону города «О свободе слова и свободе совести», все газеты должны раздаваться горожанам совершенно бесплатно. Правда, те же самые злые языки утверждают, что оплата газет включена в квитанции об уплате ЖКУ в графу «Сопутствующие услуги». Как доказательство они приводят стоимость ЖКУ в соседнем муниципальном образовании, где услуги ЖКХ дешевле ровно на треть. И всё потому, что в их квитанциях нет подобной статьи. Может, и нет, но факт остаётся фактом – у соседей нет печатных изданий! Вот и прозябают они, соседи Засарайска, в темноте и в неведении. А здесь всё в порядке – и со свободой совести, и со свободой слова.

Кстати сказать, названия засарайских газет соответствуют освещаемым областям городской жизни. Не надо думать, что их всего три, этих областей жизни. Мы говорим об основной тематике первых полос. Главная газета города не допускает двоякого толкования и называется просто и незатейливо – «Орган Власти». Вот только уже известные нам злые языки исподтишка нашёптывают, что жители называют газету совсем уж нецензурно, и мы не сможем дословно привести здесь это короткое слово. Оставим цезарю – кесарево, а злопыхателям... Ну их! Пошли дальше.

Главная газета освещает официальную сторону жизни Засарайска, причём во всём её разнообразии. От вновь принятых законодательных актов и тезисов выступлений мэра до хроник светской жизни и происшествий. Впрочем, нам кажется, что не стоит считать «ОВ» целиком официальной газетой. Да, первая и вторая полосы издания отведены исключительно свершениям в сфере градостроительства, зато на третьей и четвёртой полосах есть место и для сводки погоды, и для сканворда с sudoku. Там же размещаются и частные объявления. Специально созданное Бюро изучения общественного мнения при мэре города (БИОММГ) тщательно изучило проблему и дало заключение, из которого следует, что горожане с удовольствием достают «ОВ» из своих почтовых ящиков. Правда, экспертам не удалось выяснить, какая полоса газеты наиболее интересна жителям, и потому они совершенно справедливо предложили считать первую страницу «Органа Власти» самой читабельной страницей Засарайска.

Если бы на свете существовала «Шкала оценки демократии», то вторая по статусу и тиражу газета была бы на самом её пике. Называется она коротко, но ёмко – «Эксклюзив». Яркое название, правда? Газету можно считать в какой-то степени оппозиционной, так как редакцию дважды закрывали. Первый раз для дезинфекции, а второй – для, не побоимся этого слова, дератизации. Дело в том, что на первом этаже дома размещается кондитерский цех и, помимо устойчивого ванильного духа, здание иногда наполняется «объектами» подобных

мероприятий. В интеллектуальной среде Засарайска ходят упорные слухи о грядущем третьем закрытии газеты в связи с плановой дезинсекцией. Эта тема периодически возникает на второй полосе «Органа Власти», что вызывает гнев и раздражение главного редактора «Эксклюзива». Поговаривают, что в узких кругах, ну, например, во время застолий, главред второй газеты намекает на другие причины закрытий, якобы они имеют политический подтекст. Может быть, и так, но вот привести исчерпывающие аргументы он так ни разу и не смог. Ни разу! Может, выпил чуть больше, чем надо, а может, и слов подходящих не смог найти. Причин много, вот только в трусости не надо обвинять творческую личность. Не заслужил. Тем более что его авторитет среди коллег очень поднялся, особенно накануне третьего «исхода». Интеллигенция всегда нуждалась в мучениках, а тут свой, родной, засарайский страдалец. Ладно... Слишком много времени мы посвятили тяжёлой судьбе «Эксклюзива», а потому специализацию газеты раскроем чуть позже. Впрочем, вы и сами можете её узнать, ведь в каждом городе страны всегда найдётся своя «вторая» газета.

Да, третья газета! Она не очень серьёзная, но, как считается, совершенно необходимая для города. Так уж устроен мир, что наша повседневность заполняется слухами, сплетнями и прочими «милыми» штучками. Мэр справедливо решил, что он, как первое лицо города, обязан держать руку на пульсе, и не стал противиться, когда на него вышли из столицы с предложением о регистрации в Засарайске филиала одной из известнейших в стране газеты с очень сильным жёлтым оттенком. Куда без этого? Демократия есть демократия, и все мнения и пристрастия жителей должны быть учтены. Так решил мэр и согласовал титул печатного органа. В отличие от столичной штучки, засарайская так и называется – «ЖГ. Слухи и правда». Что означает аббревиатура «ЖГ» никто не знает, и потому предлагаем читателям самим определиться с расшифровкой. Мы бы не стали так подробно останавливаться на этих малоинтересных подробностях, но есть одна деталь, а именно – главным редактором «ЖГ» была назначена главная светская львица Засарайска, она же племянница мэра. Сам мэр ещё достаточно молод, ему недавно исполнилось тридцать пять лет, а старшей дочке только пять. Злые языки утверждают, что племянница мэра лишь временщик на этом посту, так сказать, прогревает место для старшей дочери. Но, как бы то ни было, а мы можем сделать вывод, что нынешний руководитель пришёл всерьёз и надолго. И это – хорошо! Не могут ведороссы жить без царя в голове и без государя на престоле. И вообще, причём здесь семейственность и протекционизм? Талант – понятие, существующее вне семейств и кланов. Талант – понятие общегосударственное, или, как в нашем случае, общегородское. Он либо есть, либо его нет. Извините, но смешно было бы подумать, что в светские львицы попадают лишь бесталанные люди. Или бестолковые блондинки. Это исключено. Племянница мэра, безусловно, девушка талантливая с широким кругозором, хотя и блондинка. Под её управлением рейтинг «ЖГ» значительно вырос, и не исключено, что в ближайшее время газета выйдет на второе место, опередив «Эксклюзив» на несколько пунктов. Понятно, что главред второй газеты выразил на очередном интеллигентском междусобойчике своё несогласие и даже негодование по итогам очередного опроса горожан, но мероприятие проводилось экспертами БИОММГ-а, а с ними не поспоришь, люди-то они честные и непредвзятые.

Конечно, можно бесконечно вводить читателя в Хроники Засарайска, но говорят, что и бесконечность имеет границы. Ведь всё зависит от философской школы, и поэтому хотим представить самого мэра города и на этом закрыть первую, так сказать, вводную главу нашего повествования. При всём при том, стоит сказать, что глава города не является главным героем Хроник. Героями являются жители Засарайска от самых низов до его элиты. Ничего личного, так бывает.

Итак, мэр города – Савелий Сергеевич Селиванов, молодой человек тридцати пяти лет от роду, уроженец Неплюевки (ныне 6-й микрорайон Засарайска), женат вторым браком на Яне Александровне Поплавской, имеет двух дочерей. Абсолютно лыс и чем-то похож на извест-

ного актёра телесериалов, того, у которого пёс. Образование – хорошее, в своё время экстерном закончил областную академию спорта, циркового искусства и государственного управления. Ранее, до избрания на должность главы муниципального образования, в анкетах указывал, что в совершенстве владеет тремя иностранными языками, правда, позже никогда не отказывался от услуг переводчиков. Не судим (в отличие от глав соседних городских округов), хотя десять лет тому назад и проходил свидетелем по делу о разбойном нападении на заезжий цирк шапито. Увлекается философскими трудами Николая Макиавелли, в его кабинете на журнальном столе лежит работа знаменитого итальянца «Государь», раскрытая на тринадцатой странице, с подчёркнутой фразой: «Итак, государь должен бдительно следить за тем, чтобы с языка его не сорвалось слова, не исполненного пяти названных добродетелей...». Постоянно ощущает дефицит времени, но очень любит горнолыжный спорт и футбол. У него нет возможности выехать в Куршевель (на естественный вопрос отшучивается, мол, не заработал ещё), и поэтому любовь к горным лыжам имеет исключительно заочный характер. А вот мечта о возрождении футбола в Засарайске будет реализована уже в конце первого срока работы. По крайней мере, площадка под стадион уже выделена прямо напротив городского драматического театра. Злые языки утверждают, что если стадион будет всё-таки построен, то здание театра снесут, и на освободившейся территории построят парковку для автомобилей болельщиков. Вот такой он – мэр Засарайска, личность неординарная, противоречивая, ищущая, но своя, местная и родная.

С первым заместителем Савелия Сергеевича, господином Забегаловым, мы уже познакомились, а с остальными героями познакомимся в следующих главах Хроник.

Глава вторая или утро мэра

Просто было лето. Солнце, совершенно не стесняясь, пыталось расплавить стеклопакет и добраться до прячущихся за ним людей. Светило ошибалось – в кабинете находился только один человек, причём облечённый властью и защищённый прохладой кондиционера. Мэр. Савелий Сергеевич всегда приезжает на работу пораньше, чтобы собраться с мыслями и уточнить составленный вчера план работы. Если честно, не любил Селиванов работать по плану. Не любил. Творческую личность нельзя ограничивать какими-либо рамками, они сдавливают мозг, гасят инициативу, и вообще – не для него они, эти планы. Но делать нечего – так работают и в области, и в столицах, да и, наверное, во всём мире. От масштабности этих мыслей настроение поднялось ещё выше. Мэр с удовольствием потянулся в кресле, сцепил пальцы, вывернув до хруста кисти рук. Прилив сил ощущался в каждой клеточке немного погрузневшего тела...

– Да брось ты, – отмахнулся он от себя, – нашёл проблему! Завтра, нет, с понедельника, займись спортом и сяду на диету. За три дня стоню жирок и пресс накачаю. Арни от зависти удавится!

Мэр остановился посередине кабинета и глубоко задумался, стараясь определиться, с чего начать новый трудовой день. Совершенно не хотелось заниматься «текучкой», хотелось чего-то большого, неординарного.

– Блин! Хорошо, что вчера не поехал к редактору, хотя бы голова свежая и похмелья нет, – сказал Савелий Сергеевич вслух, – надо бы завязать с алкоголем. Или дозу уменьшить.

Глава Засарайска снова прошёлся по ковровой дорожке, стараясь остановить поток мыслей и выделить что-то главное. Но, несмотря на отсутствие остаточных явлений, мозг был явно не способен определиться с утренним дебютом.

– Может, поиграть? – мэр вопросительно посмотрел в сторону ноутбука, – Нет, затынет, не остановишься. Придумал! Сегодня пятница, в понедельник – большой совет, а сегодня проведу внеплановое совещание, всех накручу и сам заряд бодрости получу. То-то же, подвиснут замы от неожиданности!

Савелий Сергеевич довольно потёр руки и решительно опустился в кресло. Палец уже готов был нажать на кнопку селектора, но новая, подлая мысль снова иглой вошла в голову. С чего начать совещание?

– Да что за день-то такой сегодня? Всё наперекосяк! – мэр с досадой почувствовал, как тает уверенность. – Нет, так нельзя! Пока соберутся, что-нибудь придумаю.

Слегка прокашлявшись, Селиванов подмигнул семейной фотографии в рамке из красного дерева, и решительно нажал кнопку:

– Эля, дорогая, зайди-ка сюда с блокнотом.

Прошло не менее пяти минут, прежде чем Элеонора походкой танцовщицы вошла в кабинет и с обиженным видом остановилась у стола. Савелий Сергеевич успел вспомнить про себя всю ненормативную лексику и сломать карандаш. Настроение ушло на дно души.

– Где ручка?!

– Ты... вы ведь не сказали про ручку, – секретарша развернулась через левое плечо и, независимо покачивая бёдрами, вышла из кабинета.

– Дура! – мэр тихо выплеснул негатив и попытался вытащить настроение со дна. – Надо было тебя ещё после того корпоратива уволить.

Селиванов внезапно успокоился и стал следить за секундной стрелкой своего хронометра. Стрелка упёрлась в цифру девять и в кабинет, вслед за волной аромата духов, вошла Эля с ручкой, но без блокнота. Мэр крикнул и забарабанил пальцами по крышке стола. Бороться с Элей было бесполезно, он это знал наверняка, и мизинцем толкнул по столешнице листок стандартной бумаги. Секретарша уселась на край стола, красивыми движениями свернула бумажку вчетверо и посмотрела в подбородок руководителя:

– Ну? – она сидела, грациозно закинув ногу на ногу, всем своим видом изображая Статую независимости.

Савелий Сергеевич не знал, существует ли такая статуя в природе, но это было неважно. Вместо раздражения он вдруг почувствовал прилив мужских сил и, с трудом сдерживая себя, просипел:

– Так, через двадцать пять минут все у меня в кабинете. Тема – подготовка к большому совету. Поняла? Иди!

– Чуть какая-то, – Эля почти упала со стола. Она не поверила, что мэр не «клюнул» на её чары, – это всё?

Он изобразил удивление, приподнял брови и посмотрел прямо в глаза:

– Иди уже. И смотри, ничего не перепутай.

Вся её спина была воплощением непонимания и кровной обиды. Селиванову стало весело и абсолютно комфортно в своём кресле. Хорошо начинать утро пусть с небольшой, но победы. Даже над собственной секретаршей. В принципе, это была репетиция перед главным событием сегодняшнего дня.

Время устало и плавно замедлило бег. Савелий Сергеевич развёл руки в стороны, стараясь размять мышцы и разогнать кровь. Внезапно в голову прокралась трусливая мыслишка: может быть, зря это всё было? И с Элей грубовато получилось и о чём говорить с замами непонятно. Тема ведь ещё не вызрела. Да и, в конце концов, сегодня пятница – день не совсем подходящий для творческих свершений. Было тихо и немного тревожно на душе, как в сезон долгих осенних дождей. Наконец за дверями кабинета началось шуршание. Собираются! Мэр не удержался и нажал кнопку громкой связи, уменьшив звук почти до нуля. Слух у него был отменный. Комната наполнилась обрывками фраз и полупредложений. Слова сплетались в тугой клубок, и руководителю было невероятно сложно определять личности общающихся между собой сотрудников. Хотя и так было понятно, что в приёмной собралось довольно много народу. Да и сама по себе процедура была увлекательной и требовала концентрации внимания и памяти.

– У себя? – это заместитель – Иван Сергеевич Охлопков. – Как, сам? В настроении или с бодуна?

– А тебе-то, чо? А? Бодун Сергеевич? – Эля явно была не в духе. – От тебя самого разит, как из пивной.

Шум нарастал, голоса множились, слова путались, и терялся смысл прослушивания приёмной. Савелий Сергеевич поднялся с кресла, недовольно посмотрел на часы, в окно и на стол для совещаний. В конце столешницы лежала газета, забытая секретаршей.

– Вечно намусорит... Нет, надо увольнять, – мэр подошёл к дальнему краю стола, взял в руки газету, прочитал заголовок, и...

Стоп! Давайте остановимся. Прервём вторую главу Хроник и познакомимся с руководством города. А для этого нам просто необходимо открыть третью главу, которая называется...

Глава третья. Штатное расписание

Не волнуйтесь, мы ещё вернёмся ко второй главе, ведь утро мэра только начинается.

Штатное расписание, или бланк унифицированной формы Т-3, документ по истине сакральный. Это – не шутка. Тот, кто хоть раз соприкасался с административно-бюрократической стороной жизни, наверняка подтвердит наши слова. Этот бланк исключает ситуации категории «Не так сели!». Форма Т-3 детально расписывает, кому, куда и в какой очередности «садиться» или «присаживаться». В нём важно всё: и «высота» должностной категории, и количество цифр в коде должности, и многое другое. Здесь нет мелочей. Штатное расписание непрямо, но довольно чётко определяет полномочия должностных лиц. Заметьте: не обязанности, а, в первую голову, полномочия. Ибо только полномочиями определяются административный «вес» и «ресурс» нашего чиновника.

Итак: глава администрации Засарайска – Селиванов Савелий Сергеевич, мэр, 35 лет, один из главных персонажей Хроник; высшая административная категория, код должности – 12590.

1-й заместитель главы администрации города – уже известный нам Эдуард Арсеньевич Забегалов, молодой, в меру инициативный человек. Сейчас находится в творческой командировке. Как-то неудобно давать ему характеристику за глаза. Может, подождём его возвращения в город?

Заместитель главы администрации города – Охлопков Иван Сергеевич, суетливый, лет 55-ти, малозаметный, лысоватый человек среднего роста. Как он стал одним из заместителей мэра, не помнит никто. Так же, как никто не знает, имеет ли Иван Сергеевич диплом о высшем образовании. До своего назначения на должность он занимал более чем скромную позицию вахтёра в вестибюле мэрии. Считается, что успеха он добился благодаря своей феноменальной способности ставить на место зарвавшихся журналистов. Однажды, на пресс-конференции, куда Иван Сергеевич попал случайно или по недоразумению, после вопроса представителя одной из столичных газет о низком качестве асфальта на Центральном проспекте в зале повисла гробовая тишина. Мероприятие было посвящено успехам в градостроительстве Засарайска, и никто не ожидал такой подлости от корреспондента столь уважаемого издания. Пауза затягивалась до неприличия, как вдруг раздался голос Охлопкова: «Желтизна! А вы брились сегодня? А? Молодой человек?». Зал взорвался аплодисментами, журналист был посрамлён и тихо выведен прочь. Авторитет Ивана Сергеевича взлетел на недостижимый уровень, он был назначен на должность, и ему предоставили право самостоятельно определять круг своих обязанностей. Впрочем, и полномочия его тоже носят неопределённый характер. Высшая категория, код должности – 10070.

Заместитель главы администрации города – Генрих Иванович Остерман, на государственной службе уже более двадцати лет. Совсем недавно в мэрии очень скромно отмечали его сорокапятилетие. Выпускник МГИМО. Прекрасный семьянин, имеет пятерых детей, чет-

веро из которых учатся за границей. При этом аккуратно, в установленные законом сроки, подаёт налоговые декларации, где чёрным по белому указан его единственный доход – зарплата чиновника городского ранга. Злые языки называют его серым кардиналом Засарайска. Может, и не без оснований. Существует городская легенда, что именно Генрих Иванович выделил из массы местных рэкетиоров совсем ещё юного Савчика, помог ему избежать реального срока за знаменитый налёт на цирк шапито и сделал из бывшего пэтэушника вполне respectable Савелия Сергеевича. Может, оно и так. Кто знает? Перечень его должностных обязанностей очень обширен, а о полномочиях лучше и не упоминать. Может, и нет у него никаких полномочий. Высшая категория, код должности – 10070.

Пропустим ряд должностных лиц, их не так уж и мало на службе у народа, чуть менее пятидесяти. Все они прошли отбор и неоднократные аттестации, и переаттестации, значит, полностью соответствуют занимаемым позициям. И всё-таки, нам кажется, есть необходимость коротко рассказать о некоторых сотрудниках, которые могут каким-то образом повлиять на ход нашей истории.

С Элеонорой Филипповной Округлой знакомство уже состоялось. Неважно, что её положение в иерархии администрации не так высоко, всего-то секретарь приёмной, но личность явно неординарная. Одни ноги чего стоят! И не беда, что за плечами только средняя школа и два участия в городских конкурсах красоты, где она занимала вполне достойные места. Зато сотрудник добросовестный и исполнительный. А глаза? А впрочем, хватит о её достоинствах. Она ведь всё-таки человек, а значит и не без недостатков. Злые языки утверждают, что Эля не в ладах с грамотой, да и память у неё девичья. Но, как говорится, на себя посмотрите.

Управляющий делами администрации города – Алевтина Михайловна Курдюкова. Симпатичная женщина с хорошими манерами. Бывшая актриса городского драмтеатра. Горожане читали в «ОВ», что она снималась в многочисленных телесериалах, правда, несмотря на все усилия, так и не смогли увидеть нетленные кадры с её участием. Её творческая карьера завершилась как-то неловко и даже трагично: главный режиссёр отказал ей в роли Джульетты, мотивируя свой поступок излишним весом и бальзаковским возрастом актрисы. Но мы-то знаем, что таланты в нашей стране всегда гонимы. Алевтина не стала спорить с жестокосердным режиссёром и просто гордо ушла со сцены, тем более что у неё уже было предложение от Остермана занять нынешнее место.

Главный бухгалтер – Иосиф Ибрагимович Мулерман. Не судим. Не привлекался. Ну, это – «как водится».

Начальник отдела мобилизационной и специальной работы – Сергей Сергеевич Ли. Майор запаса. Имеет чёрный пояс по дзюдо и намекает на близкое родство с легендарным Брюсом. Несмотря на эти явные достоинства, его не очень любят коллеги. Может, потому что он уроженец Уйского района, который находится где-то на Урале. Не местный, а значит – «варяг». А варягов у нас не очень-то жалуют.

Начальник отдела контроля и связям с общественностью – Владимир Владимирович Великолукский, в миру – Лука. Злые языки поговаривают, что за плечами Луки пара ходок, а численность его отдела непостоянна. Кроме того, они утверждают, что Владимир Владимирович является конечным бенефициаром уже известного нам охранного агентства «ЧОП. Спокойная жизнь». Врут, наверное. Но, лучше на этом остановиться.

Мы понимаем, что читатель наверняка утомился, пытаюсь разобраться в сложных бюрократических построениях, но просим немного потерпеть и дочитать до конца, так как три следующие позиции занимают люди серьёзные, ответственные и влияющие на жизнь Засарайска в силу своих полномочий. Осталось совсем немного.

Итак: начальник отдела образования, он же – министр образования города Макар Семёнович Антонов. Именно он настоял на разработке и реализации городского перспективного проекта «Образование в массы». При этом увеличения бюджета не потребовалось. Просто

подняли статус отдела до министерских позиций, и это сразу же дало результат. Центральная областная газета напечатала статью о серьёзном и креативном отношении администрации Засарайска к развитию образования. Статья получила положительные отклики в обеих столицах. Мэру города вручили грамоту от Министерства образования страны, а Макару Семёновичу – нагрудный знак «Почётный работник общего образования». А тут ещё и Академия лингвистики. В общем – всё по делу.

Начальник отдела строительства, ЖКХ, архитектуры, транспорта и связи – Аркадий Константинович Медвежатников. Он же по совместительству и главный архитектор Засарайска. Личность противоречивая, но деятельная и приятная в общении. Есть сведения, что Аркадий Константинович в своё время работал вторым секретарём в мастерской будущего главного архитектора одной из столиц. Что и говорить, характеристика весьма достойная.

Начальник отдела по делам семьи, социальной и демографической политике – Анастасия Максимовна Топчилина. Женщина с большой буквы и без возраста. Не замужем. Характер, конечно, далеко не сахар, но работник бескомпромиссный в отстаивании интересов семьи и брака. Честна и принципиальна (так записано в последней служебной характеристике). Совсем недавно на научно-практической конференции «Демография и мы», проводимой под патронажем известной природозащитной организации, лично анонсировала разработку нового городского проекта в поддержку одиноких молодых мужчин города, однако название и основные направления документа держит пока в тайне. Ну, что же? Имеет право. Более того, учитывая личные качества Анастасии Максимовны, за демографическую ситуацию в Засарайске можно быть абсолютно спокойным.

Вот такие они, городские менеджеры-управленцы. Люди как люди, со своими достоинствами и недостатками, сильными и слабыми сторонами. Разные они. Но служат, как умеют, городу и горожанам.

Глава вторая или утро мэра (продолжение)

Шум нарастал, голоса множились, слова путались, и терялся смысл прослушивания приёмной. Савелий Сергеевич поднялся из кресла, недовольно посмотрел на часы, в окно и на стол для совещаний. В конце столешницы лежала газета, забытая секретаршей.

– Вечно намусорит... Нет, надо увольнять, – мэр подошёл к дальнему краю стола, взял в руки газету, бегло пробежался по содержанию статьи и заулыбался. На первой полосе алел заголовок: «Новые территории. Вчера, сегодня и завтра». Под заголовком красовался овал столешницы с громадным аппендиксом, вывалившимся из юго-западного подбрюшья города.

– Вот, оно! Вот тема для сходняка! – Селиванов энергично потёр ладони. – Хватит дремать и поживать на лаврах! И так без малого восемь лет проспали... газета от одиннадцатого года! Давно лежит, видимо. Куда я смотрел?! Ладно – я! Коллеги-то о чём думают? Боятся мозгами пошевелить?!

Но где-то в глубине души Савелий Сергеевич был доволен, что газетный листок пролежал на столе столько времени. Задача заряжала азартом, её масштаб завораживал. Голова наполнилась мыслями, которые теснились, выталкивая друг друга из мозга. Почувствовав лёгкое головокружение, мэр торопливо опустил в кресло и, выждав необходимую для настройки паузу, нажал кнопку селектора:

– Элеонора, пригласите коллег. Пусть заходят, – Селиванов надел очки (исключительно для солидности, зрение – 100%!) и взял в руки план работы на сегодняшний день. Сосредоточиться на документе было сложно, но нужно. Ради авторитета.

Двери плавно распахнулись, и сотрудники настороженно начали входить в кабинет первого лица Засарайска. Эля, заняв штатное место справа у входа, безразлично осматривала входящих людей. Мэр поднял глаза от документа и обомлел. Впереди колонны шла уборщица

Роза со шваброй и новеньким пластиковым ведром. За ней, слегка покачиваясь, шёл электрик Василий, поддерживаемый под локоток Андреем, личным водителем мэра.

– Это... что такое? – Савелий Сергеевич с недоумением, смешанным с каплей испуга, посмотрел на секретаршу. – Что за цирк шапито?!

– Ну, вы же сами сказали: «Всех»! Я всех и вызвала, – в глазах Элеоноры Филипповны Округлой промелькнула живая мысль. – А, чо?

– Не «чо», а «что»! – это уже Макар Семёнович, единственный министр Засарайска, пришёл на помощь. – Элеонора Филипповна! Я же Вам говорил, что они – лишние. И сантехник со штукатуром тоже...

– Хватит цепляться к девушке, – вступилась за секретаршу Алевтина Михайловна, – ну, перестаралась бедняжка. С кем не бывает?

– Со мной не бывает! – С.С. Ли, решительно отодвинул электрика и остановился у своего кресла. Сесть, однако, без приглашения не решился.

Селиванов почувствовал, как совещание теряет свою знаковую и превращается в балаган. Ему стало тоскливо и даже немного стыдно за секретаршу. Он уже и не знал, как выйти из этой поистине неловкой ситуации. Все выжидательно смотрели на портрет на стене за спиной руководителя, и только Эля продолжала молча, одними глазами, негодовать.

Тишина в кабинете не была абсолютной, так как прерывалась шумным дыханием то ли электрика, то ли сантехника. Мэр понял, что ещё несколько секунд, и состояние беспомощности полностью овладеет его душой. И тут раздался тихий и спокойный голос Генриха Ивановича:

– Рассаживайтесь, господа-товарищи! У руководства и без нас много проблем и мало времени, – Остерман, как ни в чём, ни, бывало, прошёл к столу и присел на своё место у дальнего края стола. Он всегда сидел там и всегда записывал задания и поручения Савелия Сергеевича в «знаменитый» блокнот.

«Народ» зашевелился и, слегка подталкивая друг друга локтями, начал рассаживаться за столом. Рабочий персонал как-то незаметно исчез, атмосфера всё больше стала обретать деловой характер, и мэр почувствовал прилив сил и уверенности. В нём снова проснулась тяга к свершениям. Придав глазам стальной блеск, Савелий Сергеевич слегка повернул подбородок в сторону Эли:

– Пресса приглашена? – он, не глядя, увидел, как открылись рты у соратников, и даже Генрих Иванович отложил «знаменитый» блокнот в сторону.

– Шас... – Эля юлой развернулась на каблуках и метнулась в приёмную.

Мэр, как настоящий актёр, выдержав паузу, бросил в пространство:

– Ну, что там? – этот вопрос всегда был неким прологом ко всем совещаниям, независимо от их повестки. Руководитель обвёл взором присутствующих и остановился на «дзюдоисте» Ли. – Как обстоят дела с мобилизацией населения?

Сергей Сергеевич, чертыхнувшись про себя, с некоторой угодливостью раскрыл свои записи:

– Я, в принципе, на понедельник готовился, но могу и сейчас доложить...

– Пригласила! – в кабинет буквально влетела секретарша. – И из «Члена Власти», и из «Ж-пы»! В «Эсклюзиве» (она так и сказала) никто трубку не берёт, говорят, что опять тараканов травят.

Присутствующие весело захмыкали. Что и говорить, Элеонора Филипповна – сама непосредственность.

– Спасибо, Эля. Можете идти, – мэр взглядом потребовал тишины и моральной стерильности. – Давайте ближе к делу. Что там с мобилизацией?

Всем стало скучно: неужели ошиблись в своих ожиданиях? Даже Остерман уткнулся в свой блокнот. «Шалите, коллеги! – с долей ехидства подумал Савелий Сергеевич. – Сейчас перестанете!».

– Продолжай, Сергей Сергеевич! – руководителю Засарайска с трудом удавалось показывать заинтересованность. – Не тяни время.

– Итак, за отчётный период, с ноль первого января сего года, до ноль первого июня сего года, нами, сотрудниками отдела мобилизационной и специальной работы...

– Постой, Сергей Сергеевич, ты же там один в отделе? Или привлёк кого? – мэру действительно стало интересно, как выкрутится родственник Брюса.

– Разрешите? Сергей Сергеевич действительно проявил инициативу и привлёк к работе волонтеров, – Остерман говорил, не поднимая глаз от стола, – я, в силу своих полномочий, запросил результаты, и, должен сказать, они соответствуют требованиям губернатора по мобилизационным вопросам. Наши показатели лучшие в области, я хотел Вас проинформировать накануне большого совета, но не успел.

Мэр кивнул головой.

– Ничего страшного, Генрих Иванович! Спасибо за полноту доклада, – Селиванов знал, что, если в отчёт сотрудника вмешивается Остерман, значит, он, глава города, где-то накосячил, – всё у вас, Сергей Сергеевич? Присаживайся.

Отставной майор благодарно посмотрел на Остермана и дал себе слово спросить у Алисы из Яндекса, что такое «волонтеры».

Савелий Сергеевич ничуть не обиделся на своего заместителя, напротив, он воспринял ремарку Остермана как сигнал перехода к главному вопросу, суть которого знал только он – руководитель Засарайска.

С достоинством поднявшись из кресла, мэр опёрся обеими руками на столешницу и обвёл взглядом подчинённых. Все поняли, что начальство не просто так собрало их именно сегодня, накануне большого совета, но никто из них, даже Генрих Иванович, не подозревал, что их ждёт в эти минуты. Только Элеонора, оставшаяся в кабинете вопреки распоряжению шефа, догадывалась, что это нечто, выходящее за рамки повседневности. Она уже простила своего Савчика и за утреннее непонимание, и за женитьбу на Яне. Она вполне по праву гордилась им.

– Я вот что думаю, отстаём мы в развитии. А всё потому, что лень-матушка вперёд нас родилась! – Савелий Сергеевич с удовлетворением чувствовал, как логически выстраиваются слова в ёмкие фразы. – Мыслить боимся. Про инициативу совсем позабыли. Вот и плетёмся в хвосте Истории. Скоро затянет болотом весь Засарайск! Какие будут предложения?

В комнате воцарилась такая тишина, что стал слышен ход электронных часов на руке Аркадия Константиновича. Все опустили глаза в свои планшеты, и только Генрих Иванович поднял голову и с интересом смотрел на руководителя.

– Савелий Сергеевич! Кажется, пресса пришла, – секретарша приоткрыла дверь в приёмную, – запускать?

– Приглашайте, – мэру стало досадно: как он мог забыть про газетчиков?

Элеонора широко распахнула двери и пропела голосом подзабытой Дайаны Росс.

– Проходите, господа! Занимайте места на диванах у стены.

В кабинет вошли две журналистские группы. Впереди правой группы шёл серьёзный и солидный главред «Органа Власти» Сергей Дмитриевич Глинков в строгом тёмно-синем костюме и белой рубашке без галстука. Приветливо поздоровавшись с присутствующими, он кивнул (почему-то) Генриху Ивановичу и расположился на гостевом диване поближе к мэру Засарайска. Савелий Сергеевич, не отрывая глаз, в упор смотрел на редактора «ОВ», но не потому, что тот нарушил некую субординацию, а для того, чтобы не смотреть на левую группу, во главе которой летела его родственница, законодатель городской моды и одновременно главред третьей газеты – Анфиса Анатольевна Собакина. Очень короткая юбка несколько затя-

нула процедуру посадки на левом гостевом диване, и было видно, с каким трудом начальнику отдела по связям с общественностью удаётся не поворачивать голову в сторону хозяйки «ЖГ». Наконец в кабинете стало по-деловому тихо и серьёзно.

– На чём мы остановились? – мэр почему-то посмотрел на С.С. Ли. Тот быстро втянул голову в плечи и принял облик вспоминающего человека.

– Разрешите? – Генрих Иванович был абсолютно спокоен. – Вы остановились на необходимости творческого подхода к решениям текущих задач.

– Спасибо, Генрих Иванович! – Савелий Сергеевич снова почувствовал прилив творческих сил. – Мы действительно отстаём в вопросах градостроительства от международных тенденций! Скажите, господин Медвежатников, почему столица расширилась, а Засарайск – нет?! Ведь это ваша компетенция, а? Аркадий Константинович?!

На бедного архитектора было жалко смотреть, он лихорадочно пытался обнаружить связь между расширением столицы, географическим положением своего города и своими же компетенциями. Всем было видно, что Аркадий Константинович пребывает в состоянии административного ступора, но никто не торопился ему на помощь. Впрочем, пауза была довольно короткой, так как мэр не собирался упускать инициативу.

– Понятно! Я вот что вам скажу: присоединение новых территорий к столице – это не просто желание выпендриться перед Западом, это – государственная политика! И вчера, и сегодня, и завтра, – Савелий Сергеевич почувствовал, как ощущение значительности происходящего буквально врывается в сознание соратников, – наш город не должен оставаться в стороне. Присоединив новые территории к Засарайску, мы поднимем уровень жизни и горожан, и сельчан. Но и это не самое главное! По завершении мероприятия мы вполне реально сможем рассчитывать на изменение статуса города от городского округа к областному центру!

Руководитель выдохнул, отпил воды из стакана и обвёл глазами сидящих у стола людей, избегая, впрочем, встречи с глазами ошеломлённого Остермана:

– Хотелось бы выслушать ваши мнения и предложения, – мэр устало опустился в кресло.

В кабинете сложилась довольно интересная картина, достойная внимания нашего читателя. Реакция Сергея Сергеевича была абсолютно адекватной сложившейся ситуации: он мысленно примеривал к плечам генеральские погоны, хотя и понимал, что надеть на себя штаны с лампасами ему не удастся, лампасы на гражданской службе есть только у швейцаров местного ресторана «Сытый повар». Главбух Мулерман побледнел и незаметно положил под язык таблетку валидола. Владимир Владимирович смог наконец поднять глаза на главреда «ЖГ» Собакину, которая, в свою очередь, внимательно рассматривала свежий маникюр и размышляла о программе предстоящей вечеринки, куда был приглашён весь свет и часть полусвета Засарайска, в том числе и Лука, смотревший на неё глазами проголодавшегося лабрадора. Глинков, осознав глобальность события, нашёптывал в диктофон наброски передовицы. Госпожа Курдюкова изучала перспективы и варианты расправы над главным режиссёром городского театра. Все были заняты своими непосредственными обязанностями в рамках своих полномочий и, не побоимся этого слова, амбиций.

– А я согласен с Савелием Сергеевичем! – в своём стиле проявился Охлопков, заместитель мэра. – В конце концов, чем Засарайск хуже столицы? Чем мы хуже? Метра у нас нет? Да нам и не очень нужно...

– Он, видите ли, согласен! А кто против? – бывшая актриса с явным неудовольствием посмотрела в сторону Ивана Сергеевича. – Я тоже за! Ничем Засарайск не лучше столицы. Они расширились, и мы тоже сможем...

– Алевтина Михайловна! Вы, наверное, хотели сказать, что Засарайск не хуже столицы? – Макар Семёнович попытался провести экспресс-урок словесности. – Иначе получается...

– Ничего у тебя не получается! – управляющая делами чуть не задохнулась от негодования. – Ты меня ещё поучи... я Шекспира наизусть знаю!

– Погодите... Не стоит переходить на личности... Причём здесь Шекспир? – Аркадий Константинович даже приподнялся над столом. – Надо разобраться в сути вопроса. Проблема очень серьёзная, чтобы вот так просто Шекспиром рты закрывать!

– А я, чо? Я – ни чо! И про метро я же не специально! – было видно, что Иван Сергеевич очень напуган. – Метро нам наверняка будет нужно, если мы в область...

Ситуация явно выходила из-под контроля, но Савелий Сергеевич был готов к этому. Его только немного смущало остермановское молчание. Мэр продолжал смотреть в сторону Генриха Ивановича, как бы испрашивая совета, но тот сосредоточено листал блокнот, изредка поглядывая на карту района, висевшую на стене рядом с ним. «Молчит, – подумал Селиванов, – ну, что же... значит, всё по теме!». Он откинулся на спинку кресла, сцепил пальцы в борцовский замок и перевёл взгляд на Сергея Ли. Тот моментально втянул голову в плечи. Между тем обстановка продолжала накаляться.

– Какое метро? Причём здесь метро? Я про Шекспира, а он про метро, – казалось, что актриса сейчас заплачет искренними слезами, – мы все понимаем, что вопрос сложный. А он про метро...

– Хватит! Что за цирк?! – мэр снова взял бразды правления в свои руки. – До метро нам пока, как до Марса, сейчас необходимо определиться с присоединяемой территорией. Ну, так, чтобы и не очень далеко, но и не так близко. Но это при условии полного согласия с вашей стороны.

Савелий Сергеевич стоял, внимательно оглядывая соратников. Было понятно, что особого сопротивления не будет. Аргументов нет.

– Я вот что думаю, – мэр пристально посмотрел на карту района, – столица приросла на юго-западе, а мы не должны слепо копировать чужие идеи. Наше решение должно быть самостоятельным. С учётом местной специфики.

Коллеги с уважением «переваривали» стройные и чёткие фразы руководителя. Серьёзность и глобальность задачи подняло их самооценку до высшей отметки. Надо же, ещё час назад они шли в кабинет с мыслями о необходимости скоротать время до конца рабочего дня, а сейчас именно от них зависит не только судьба города, но будущее целого региона. Ай да Савелий! Ай да... Глаза некоторых участников судьбоносного совещания увлажнились от умиления и гордости. Даже «стальная леди» Анастасия Максимовна достала из клатча кружевной платок и промокнула глаза.

– Хрень какая-то! Ничего не догоняю, что, к чему присоединять? – Анфиса отложила зеркало в сторону и посмотрела на своего помощника. – Тёма, записал чего-нибудь? Ты сам-то догнал, или как?

Журналист, стараясь не поднимать головы, пробурчал нечто не очень понятное и покраснел до корней волос. Охлопков, почувствовав, что наступает его звёздная минута, лихорадочно подбирал варианты атаки на представителей четвёртой власти, но вдруг вспомнил про кровные узы Анфисы и мэра, и потому решил дожидаться более подходящего момента. Может, струсил? Мы не знаем.

– Давайте не отвлекаться, – Селиванов сделал вид, что не придал значения реплике племянницы, – время дорого. Нам надо определить объёмы и район, так сказать, наших интересов.

– Я думаю, Савелий Сергеевич, нам на этом этапе нужно просто зафиксировать консенсус, – Остерман говорил негромко, осторожно подбирая слова. Было очевидно, что и он не ожидал от шефа такого «нестандарта», – мне кажется, что вопрос требует детальной проработки. Каждый присутствующий здесь руководитель должен подготовить документы обоснования, необходимые для принятия конкретного решения.

Мэр почувствовал внезапную усталость и даже апатию. И немудрено, давно он не испытывал такого напряжения. Опустившись в кресло, Селиванов придал лицу выражение глубокой задумчивости и, выждав необходимую паузу, подвёл итог:

– Да, согласен, вопрос и своевременный, и серьёзный. Его нельзя решать с «кондачка», наскоком, – он, в который уже раз, обвёл взглядом коллег и вновь остановился на «мобисте», – нужно время для подготовки предложений и справочных материалов. У меня всё! Все свободны!

Савелий Сергеевич знал, что Остерман обязательно останется на месте для подведения реальных итогов совещания и очень этого не хотел. Крепко зажмурившись, глава Засарайска мысленно пытался определить, в какой последовательности подчинённые выходят из комнаты, и, когда по его расчётам, он уже остался один на один с Генрихом Ивановичем, резко открыл глаза. И... чуть не подпрыгнул от неожиданности! Все сидели на своих местах и выжидательно смотрели на него. Лишь Анфиса, тихонько хихикая, набивала текст очередного СМС. Только стул Остермана был пустым и даже каким-то чужим, не из этого кабинета.

– Не понял, – Савелий Сергеевич по привычке смотрел на отставного майора Ли, – что-то не ясно? Есть вопросы?

Все повернули головы в сторону управляющей делами, как бы делегируя Алевтине Михайловне переговорные полномочия. Она, робко кашлянув, зачем-то посмотрела в свой планшет и вдруг решительно сказала:

– Савелий Сергеевич! А какие материалы я должна подготовить? – она обвела взглядом коллег, ища у них поддержки. – Справки о чём?

В арсенале мэра было много вариантов рекомендаций по типу: «Вы что? Сами не знаете?», или «Мне вас что – учить надо?», и он уже был готов излить поток негатива на бывшую актрису, но не успел.

– Вы что? Сами не знаете? – Охлопков резко поднялся со стула и, уже через плечо. – Мешаете, понимаешь, думать руководству!

Следом за заместителем потянулись к выходу и остальные сотрудники, бросая негодующие взгляды на Алевтину. Через несколько секунд в кабинете остались только управляющая делами и само руководство.

Селиванову снова стало весело.

– Ну что, Алевтина? Что тебе не понятно? – он почти ласково смотрел на подчинённую. – Может, подсказать чего?

– Нет, Савелий Сергеевич... Не надо... Я пойду? – Курдюкова виновато поднялась и тихо «испарилась» из кабинета.

– Так-то лучше, – мэр подошёл к окну и с удовольствием посмотрел на центральную площадь Засарайска, – надо не забыть дать команду Ильича подкрасить! Обветшал весь. Или, может, другой памятник поставить? Не в моде-то Ильич нынче! – он вопросительно посмотрел на портрет, висящий за его креслом, как будто спрашивая совета.

Глава четвёртая. Метания

Утро повзрослело и превратилось в день. Надо сказать, что участники судьбоносного совещания разошлись по своим кабинетам, находясь под сильным впечатлением от речей начальства. Все они как один были единодушны в оценке идеи: мысль неординарная, выходящая за рамки повседневной и зачастую бестолковой суеты. Кого-то – ну, например, Сергея Сергеевича и Алевтину Михайловну – напрягала задача подготовить пресловутые справочные материалы. Какие? Они абсолютно не понимали, что от них требуется. Раньше всё было понятно: подготовить справку по мобресурсам? Пожалуйста! Всегда готовы, данные под рукой и не меняются годами. Они достались майору Ли от его предшественника – Ивана Сидоровича Морякова, который, уходя на пенсию, так напутствовал преемника: «Ты, Сергуня, особо не заморачивайся... Наше дело – мобучёт и мобресурс. А это – штука постоянная! Ну, помрёт, к примеру, Петров на улице Большие Поляны, дом 9, резервист – второразрядник, ну и, что? На той же улице, в доме десять, сержант запаса Иванов наверняка перейдёт из первой категории

во вторую. По возрасту! И ничего менять в учётах не надо, а то запутаешься в конец. Это как круговорот воды в природе. Да и зачем менять, ежели никто, ни хрена не понимает? Они-то все – пиджаки, гражданские... Тупые! Только и могут спросить: «Что там у нас с мобилизацией?», а ты в папочку, за сводкой. У начальства скука на морде лица и мысль – как бы поскорее тебя из кабинета выпроводить!». Тогда, уже после второй бутылки, Иван Сидорович расчувствовался: «Сергунька! Родной мой! Вот ты думаешь, что должностишка у тебя никудышная, то ли дело – заместитель мэра! Шалишь. Не прав! Вот, к примеру, нужно тебе хату отремонтировать, а денег-то нету... и занять нельзя. Отдавать надо. А кредиты – вообще полное дерьмо! Так ты загляни в учёты. Загляни! Там наверняка есть коммерсантик, который ремонтом квартир занимается. Ты ему повесточку через военкомат организуй. Мол, пора тебе, бизнесмену, вспомнить на двухнедельных сборах, как Родину защищать. Он тебе не только скидку – бесплатно хату отремонтирует, лишь бы на сборы не загреметь». Сергей Сергеевич успокоился и подумал: «Забегу вечером к Сидоровичу, может, что и посоветует!». Ли посмотрел на часы, достал из ящика стола «заначку» и пошёл в магазин. Не идти ведь к сэнсэю за советом с пустыми руками?

Выскользнув из кабинета руководителя, Алевтина Михайловна надела на лицо маску Мегеры, богини мщения, и нарочито медленно прошла мимо секретарского стола. Впрочем, Элеонора не обратила на бывшую актрису никакого внимания. Она с увлечением изучала сайты знакомств в поисках альтернативы или Савелию Селиванову, или Брэду Питту. Мадам Курдюкова прошла по пустому коридору и вошла в свой кабинет.

– Блин! Дёрнуло же меня... и Мулерман, сволочь, сам же уговорил задать вопрос о справках и сам же первый слинял! – Алевтина села за рабочий стол, скинула осточертевшие шпильки и внимательно посмотрела в зеркало, стоящее на столе. – Ну и мужики пошли! Интриганы и трусы! И ещё морщинки. Новые! И Остерман, тоже мне... Кардинал! Та ещё...

Она не успела закончить фразу, как в дверь осторожно постучали. Так мог постучать только один человек.

– Входите, Генрих Иванович! – управляющая делами откинулась на спинку кресла, «надела» маску Астреи, богини справедливости. – Не заперто!

Дверь тихо распахнулась, и Остерман вошёл в кабинет с озабоченным выражением лица.

– Присяду?

– Да, уж, присаживайтесь, господин Остерман! – Алевтина Михайловна не без удовольствия посмотрела в слегка мрачные глаза заместителя мэра. – Какими ветрами? Может, вы мне поясните, что за справочные материалы я должна для Савелия подготовить? Что за хрень?

– Не кипятись, Аля! – Генрих Иванович так посмотрел на актрису в отставке, что той захотелось надеть на лицо маску Невинности. – Что с тобой? Савелий Сергеевич «вставил»? Ничего! Переживёшь.

Алевтина Михайловна знала, что с Остерманом шутки плохи, но удержаться не смогла, её понесло:

– Аля?! С каких это пор я для вас «Алей» стала? – актриса была воплощением праведного гнева. – Подставили женщину, дурой недоразвитой выставили, а сами в кусты?! Да я...

– Ты вот что, Алевтина Михайловна! Охолони. И заткнись! – чиновник, сидящий перед управляющей делами, на долю секунды превратился из вежливого и тихого Генриха Ивановича в человека со стальными глазами середины 90-х прошлого века. В Немца в кожаной куртке и тяжёлой, золотой цепью на шее.

– Вот тебе задание на завтрашний день, – Остерман протянул побледневшей Курдюковой запечатанный конверт, – и, смотри, ничего не напутай. Я тут узнавал у режиссёра, у него вакансия в театре освободилась. Гардеробщицы.

Генрих Иванович легко, по-спортивному поднялся со стула и тихо вышел из кабинета. Алевтина непроизвольно перекрестилась, с опаской посмотрела на зажатый в ладони конверт

и достала из сумочки плоскую фляжку коньяка. После второго глотка в голове прояснилось, мысли потекли спокойным ручейком, и чиновница успокоилась.

В отличие от госпожи Курдюковой, Иван Сергеевич мучился сомнениями недолго. После приземления на любимый стул в кабинете он энергично потряс головой, изгоняя прочь мысли о чуть не совершённой им ошибке с «наездом» на племянницу мэра, достал из верхнего ящика стола листок формата А4 и по старинке написал: «Предложения». К сожалению, дальше заголовка дело не пошло. Охлопков тяжело вздохнул, встал и подошёл к окну, выходящему во двор мэрии. Там у пожарного выхода уже знакомый нам электрик Василий пытался прикрепить к стене кварцевое табло с надписью «Задний проход». Это была его, Ивана Сергеевича, сюрприз-задумка, и он рассчитывал получить очередную грамоту от мэра за проявленную инициативу. «Криво ведь вешает, – подумал чиновник, – не ровён час, разобьёт. Пойти помочь, что ли? Поручководить?». Почувствовав прилив сил, Охлопков решительно отодвинул стандарт ISO в угол стола и вышел из кабинета. От рабочего несло знакомым, свежим духом и заместитель мэра с некоторой грустью вспомнил своё вахтёрское прошлое, в котором он не «начальство», а вполне свой «Сергеич», мог по-братски разделить мерзавчика с тем же Василием.

– Ты чего, Сергеич? – электрик всем корпусом повернулся на стремянке и с трудом удержал равновесие. – Забыл чего? Или подышать вышел?

– Ты, Вася, мне не тычь! Мы с тобой сейчас люди разного полёта. Я проконтролировать пришёл. Криво вешаешь!

– Да? Щас посмотрю, уровень забыл, а на глазок с похмелья... сам знаешь, не очень, – рабочий неловко прыгнул и, прищурив левый глаз, оценил свою работу. А ведь верно! Левый угол вниз ушёл.

– Глазастый ты, Сергеич! И вообще молодец, не зазнался, и своих не забываешь. Небось, тошно тебе с этими выпендрёжниками?

Охлопков, было, засобирался вновь напомнить Василию о субординации, но последние слова электрика зацепили за живое:

– Да, нелегко... Но и без меня они куда годятся? Пропадёт Засарайск-то, – Иван Сергеевич почувствовал, как защипало в глазах, – вот и сегодня, позвал меня Савелий перед совещанием и спрашивает: «А что, Иван Сергеевич, не присоединить ли нам к Засарайску деревню какою-нибудь?». Мол, как я присоветую?

– И, чо? – Василий давно забыл, что в кабинет они входили вместе, и с уважением смотрел на бывшего коллегу по цеху. – Что присоветовал? Я бы Впердяки присоединил. У меня там тёща живёт, давно в город к нам просится, а тут и проблем не будет. И так, и так – в городе. Посодействуй, а, Сергеич!

– Так я и присоветовал Впердяки. Они-то недалёко, да и народ там нормальный, не то, что в Ручьях или в Граблино! – Иван Сергеевич уже и сам верил своим словам. – Я ведь всегда за правду! Сам знаешь.

– Слушай, Сергеич! Мне там Галка котлет наготовила, и хлеб у меня свежий! У тебя есть чего? В подсобке нашей-то никого нет, я сегодня один дежурю. Посидим, пообщаемся. А, Сергеич?

Чиновник тяжело вздохнул, посмотрел на кривое табло, на высокостоящее солнце и на Василия:

– Найду. Только по сто грамм, не больше! Договорились?

– Замётано! Ты иди, я в подсобку, стол накрою, – рабочий вдруг стал абсолютно трезв и готов к продолжению, – а таблю твою я потом перевесю. По уровню! Ровно будет. Уровень-то германский!

Макар Семёнович, единственный министр Засарайска, действительно пребывал под впечатлением. Пожалуй, он был одним из немногих соратников Савелия Сергеевича, который принимал своего начальника как достойного руководителя города. Это ничего, что в Академ-

городке не нашлось местечка именно ему. Хотя, с другой стороны, он «Почётный работник общего образования»! Могли бы и найти. Ну да ладно. Не хлебом единым...

Антонов нажал кнопку селектора с надписью «секретарь-референт»:

– Светлана! Пригласите на четырнадцать часов директоров школ, колледжей и детских садов. Совещание в актовом зале, – он посмотрел на часы, – и зайдите сами.

Два часа, есть время на подготовку. Подчинённые должны быть во всеоружии. Правда, придётся снова выслушивать жалобы на двуногие счёты, которые никак не желали стоять, и на электронные калькуляторы, которые не хотят включаться и требуют гарантийного ремонта. Что поделаешь? Такова стезя министра, чьё ведомство обеспечивается по остаточному принципу! Дверь приоткрылась и вошла секретарь-референт Светлана, типичная «училка» начальных классов: скромная, с нелепыми очками в огромной роговой оправе и с хвостом на затылке. Классика – белый верх, чёрный низ. Назвать её «тургеневской девушкой» не поворачивался язык, она совсем по-другому относилась к жизни. Впрочем, Светлана обладала одним совершенно необходимым для своей должности качеством – она просто боготворила своего шефа. Референт, как обычно, сделала ровно четыре шага от двери:

– Слушаю вас, Макар Семёнович!

– Грядут большие перемены в жизни нашего города! – хотя министр и не любил высокопарных фраз, они каким-то образом рождались сами по себе. – Наше министерство не должно плестись в арьергарде событий! – Антонов перевёл дух и отпил воды из стакана. – Более того, именно мы должны, нет, просто обязаны, возглавить их!

– Я понимаю вас, Макар Семёнович! И внимательно слушаю, – Светлана с обожанием посмотрела на министра, – я готова. Не возглавить, конечно, а к исполнению...

Руководитель вдруг почувствовал, что силы и мысли испаряются с невероятной скоростью. Беспомощность и растерянность коварно выключили какой-то тумблер. Короче говоря, он не знал, что делать дальше.

– Вы присядьте! Присядьте, Макар Семёнович! Всё в полном порядке: я всех обзвонила и пригласила. Даже слегка сориентировала, простите, что без согласования. Я просто сказала, что тема очень важная и надо быть готовыми к ответам по всему спектру проблем городского образования. Извините, если что не так.

Антонов почувствовал, что жизнь возвращается и пресловутый тумблер снова встал в положение «он». Вот только с идеями... Он присел в кресло и с надеждой посмотрел на верную соратницу.

– Да нет, Светлана. Вы всё сделали правильно. Я просто устал! Наверное. Совещание никак нельзя отменить? – вопрос прозвучал до отвращения жалко, как-то по-детски, что ли. – Ну, там... Не знаю, сказать, что нас в область неожиданно вызвали?

– Макар Семёнович! Вы успокойтесь, расскажите всё-всё. Я уверена, что вы знаете, что делать. Знаете... Просто Вы устали. А проанализируете, и всё станет на свои места!

Министр поднялся и, прохаживаясь по кабинету, подробно рассказал секретарю-референту о ходе совещания у мэра. Он старался быть предельно объективным, но как-то непроизвольно отводил себе главную роль инициатора и вдохновителя. Светлана слушала очень внимательно, делая какие-то заметки в блокноте. Антонов закончил рассказ и остановился в центре кабинета.

– Вот так и было. Может, зря я так? Может, несвоевременно? Наверное, они ещё не доросли? – руководитель не скрывал свою озабоченность. – Наверное, надо дать отбой совещанию? Под благовидным предлогом. Тем более сегодня пятница!

– Ни в коем случае, Макар Семёнович! Это – шанс, ваш шанс всем показать, кто на самом деле первое лицо города! – несмотря на горячность слов, секретарша сохраняла спокойствие. – Проблемы надо решать по мере их поступления. Во-первых: Савелий Сергеевич однозначно присвоит себе роль генератора. Ну и пусть! Время всё расставит по своим местам! Во-вторых:

на нашем совещании не поднимайте вопрос о грядущем присоединении. Это действительно не ко времени. Там должно быть всего два вопроса: готовность учреждений к новому учебному году, а также надо предложить директорам выдвинуть кандидатуру на должность руководителя новой перспективной школы, но без подробностей! Для них это будет интрига. Они потеряются в догадках! Ваш авторитет укрепитя, что не будет лишним после истории со счётами и калькуляторами. Вот и всё! Разрешите идти?

Антонов посмотрел вслед уходящей сотрудницы и подумал: «Всё-таки это настоящее искусство – подбор кадров!». Он опустил в кресло и стал готовить тезисы своего выступления к совещанию.

Владимир Владимирович не тратил время даром. Он спустился в подвал, где его стараниями был оборудован спортивный зал, поиграл со штангой, постучал ногой по боксёрской груше и с удовольствием постоял под ледяной струёй душа. Взбодрившись, стрелой промчался на четвёртый этаж и вошёл в кабинет. Два сотрудника его отдела покорно ожидали прибытия шефа, синхронно жуя резинку.

– Ну чо, Лука? – продемонстрировал свою близость к начальству Олег. – Прошёл сходняк?

Великолукский сел на край стола, вытащил из кармана телефон и внимательно посмотрел на соратника.

– Слушай ты, опоссум! Я тебе сколько раз говорил – обращаться ко мне по имени и отчеству! А? – начальник отдела и сам не знал, откуда взялся «опоссум». – Или тебе по башне наступать?

– А чего сразу этот... хрен знает кто? – было видно, что Олежка сильно обиделся. – Не по-пацански так!

– Ладно, забей! Сам не знаю, чего нашло, – Владимир Владимирович примирительно улыбнулся, – на сегодня всё! Все свободны. Мобилы не выключать и много не бухать. Если что – сразу ко мне. У меня сегодня вечером тема серьёзная. И ты, Тоха, тоже будь на стрёме. Усёк?

Дождавшись, когда за коллегами закроется дверь, Лука пересел в расшатанное кресло и посмотрел на телефон: «Позвонить, что ли? Ведь наверняка трубу не возьмёт!». Великолукский решительно отложил гаджет в сторону и достал из бумажника фотографию Анфисы.

– Сколько ты мне ещё голову морочить будешь? – спросил вслух Владимир Владимирович. – Подумаешь... редактор газеты! Су... ты неблагодарная, а не редактор!

Успокоившись, Лука хотел засунуть карточку в шредер, но в это время на столе завибрировал мобильник. Мелодию для своего звонка Анфиса выбирала сама, поэтому и угадывать не было нужды.

– Да? Чего надо? – Лука придал голосу стужу и металл. – Или ошиблась номером?

Девушка рассмеялась на удивление чистым, неиспорченным смехом, от которого у Владимира Владимировича всегда заходило сердце, и кожа покрывалась мурашками.

– Обиделся? А, Лукашка? Не обижайся, зайчик! Не могла я на собрании отвлекаться, тема-то важная! Но за ревность – спасибо! Приятно... и не забудь, жду тебя сегодня в Академгородке. Подруливай часикам к девяти. Окей?

Лука почувствовал себя на седьмом небе от счастья, но не успел ответить. Девушка выключила мобильник. «Вот чертовка! – с любовью подумал он. – Конечно, приеду!».

Анфиса положила смартфон в клатч и посмотрела на собеседника, сидящего за рулём:

– Всё правильно?

Мужчина ответил, не поворачивая головы:

– Да. Вы – умница! На вечеринке попробуйте узнать подробности. Откуда у Савелия Сергеевича идея взялась? Может быть, Владимир что-то знает. Вас подвезти?

– Да, домой. Надо пёрышки почистить. Сегодня много народу будет. Весь бомонд, – Анфиса улыбнулась, – может, и вы подъедете?

– Нет... терпеть не могу ваш «бомонд» ...

Хуже всех чувствовал себя Иосиф Ибрагимович. Нет, его не мучила совесть из-за неприятностей Алевтины Михайловны; в конце концов, она сама виновата, что поддалась его уговорам и полезла с глупыми вопросами к руководству! У него по жизни много было неприятностей. И всё из-за странного отчества. Как в том фильме. Евреи считали его гоем (в современном прочтении), Кавказ признавал Мулермана чистым евреем и не то, чтобы недолюбливал, наоборот, даже прощал ему эту нелепицу за песни, к которым он, Иосиф Ибрагимович, не имел никакого отношения.

В кабинете главбух не стал садиться в кресло и остановился у окна.

– Бред какой-то! Первая же проверка покажет, что я во всём виноват, – мысли путались, и было уже не до логики, – я же главбух! А значит, виноват уже по определению. А теперь ещё и расширение! Ещё Впердяки присоедините! Сколько мне теперь будет светить? Лет десять? Нет, надо звонить в столицу.

Мулерман успокоился. В конце концов, бухгалтерия – только отдел в финансовом управлении. Вот только начальника управления ни разу на совещания не приглашали. Иосиф Ибрагимович, кстати, ни разу и не видел его – начальника управления. Остерман возражал. Почему?

– Здравствуйте, Яша! Тут... вот какое дело, – главбух точно знал, что там, в столице, его слушают очень внимательно, – Савелий вообще нюх потерял... Впердяки решил присоединить. По примеру столицы. Представляете?! У нас не Засарайск, а какой-то Впердюкинск получится!

Собеседник, казалось, потерял интерес к разговору:

– Да хоть Говн... жо... пинск! Тебе-то что? – Яков уже хотел положить трубку. – За чистоту языка обидно?

– Да нет! Как вы не понимаете? – Мулерман вдруг успокоился, почувствовав, что переложил большую часть ответственности на собеседника. – Я вам вот, что скажу, – Иосиф Ибрагимович стал спокойно и взвешенно излагать суть грядущих перемен с финансовой точки зрения, – и что получится? Кого-то надо будет посадить? А кого? Это – вообще не вопрос. Но ведь я всегда за сотрудничество. Даже со следствием!

– Не делайте мне нервы, Иосиф! Успокойтесь, я перезвоню. Посоветуюсь и перезвоню, – собеседник не стал дожидаться ответа и положил трубку.

Главбух откинулся на спинку стула (когда успел присесть?):

– Всё. Теперь хоть Впердяки, хоть Ручьи присоединяйте! Я – не возражаю. Впрочем, а почему Ручьи или Впердяки? Нет, так дело не пойдёт. Надо подсказать, что если и присоединять, то Кошатниково!

Что и сказать? По истине, аппетит приходит во время еды. У него там дачный участок.

Время ленилось и не хотело перетекать в предвечерье. Была пятница – самый свободный и ожидаемый день в офисном календаре. Сотни засарайских клерков с нетерпением посматривали на часы компьютеров, стараясь ускорить ход текущих событий. Но время было неподвластно их усилиям. Оно – вне законов человеческих.

Глава пятая. Страсти по Впердякам

Элеонора звонко защёлкнула пудреницу и уложила её в сумочку. Девушке очень хотелось, чтобы сейчас позвонил Савчик, её Савчик, не мэр, но – мужчина: чуть хмельной, немного дурашливый и самую малость не от мира сего. Телефон молчал, селектор тоже молчал.

– Козёл! – резюмировала Эля.

– Сама – сучка! – тут же откликнулся мэр. Он стоял за спиной. – Обо мне так?

Эля тихо взвизгнула и влетела в раскрытые объятия.

– Противный... Козёл! – секретарша влюблённо смотрела в глаза своего мужчины. – Я дверь закрыла. Если ты не торопишься, конечно.

– Открой и немедленно! – Савелий Сергеевич смотрел на девушку снисходительно и с нескрываемой теплотой. – Шутка! Какие планы на вечер?

– У меня? Или... у нас? – Эля откинула голову. – Это у вас семья! А я девушка одинокая, свободная и... свободная.

– Ладно, не быкуй! – Селиванов вдруг подумал, что слово не подходит. Не к месту, слово-то. Не к месту. – Слушай! Я сегодня свободен... Оторвёмся?

– А как же твои? – девушке вдруг стало жарко, в ней проснулась маленькая стервочка, – Яна? И дочки?

Нам, наверное, надо сейчас и завершить этот эпизод. Согласны?

Пятница! Величайшее открытие создателей современного календаря. Наверное, этот день – самый желанный и ожидаемый день недели для миллионов людей, вне зависимости от национальной, профессиональной и социальной принадлежности индивидуумов. Это, по сути, единственно свободный и, если хотите, волшебный день в череде серых и суетных будней. Ещё не выходной, но уже и не совсем рабочий день. Человек точно знает: к такому-то времени он покончит с рутинной, аккуратно закроет рабочий стол компьютера, или сметёт стружку со станины станка, окинет взглядом офис или цех и, с праведным чувством исполненного долга с головою нырнёт в свободу. Он свободен! Позади совещания, встречи или физический труд, впереди – полная свобода, впереди целых два выходных, положенных ему по закону. Но выходные надо отдать семье, даче, кинотеатру, стадиону, музею и прочим обязательствам. Список обременений можно продолжать до бесконечности. И суббота, и воскресенье – та же каторга, только адреса другие. А вот пятница... как говорится: «Имею право!».

Не наша вина, что столь значимые события в жизни Засарайска происходят именно в пятницу. Такое нередко случается. Вспомните хотя бы братоубийство Каина, крушение «Титаника» и Великую депрессию в Штатах. И мы, во избежание недопонимания или протестов, уже были готовы оставить горожан в покое до самого понедельника, если бы не светский раут в Академгородке, организатором которого выступает Собакина Анфиса Анатольевна – главный редактор «ЖГ», светская львица и по совместительству племянница мэра города. Быть может, это мероприятие как-то повлияет на развитие нашей истории. Кто знает? Придётся возвращаться в приёмную главы города.

– Что будем делать? – Эля с показным равнодушием поправляла одежду и макияж. – По домам?

Прошло уже полчаса, и Савелий Сергеевич пребывал в естественном состоянии расслабленности и лёгкой апатии. Сейчас ему очень хотелось поскорее расстаться с секретаршей и уехать домой, но вид равнодушной подруги вызвал у него раздражение: «Ты что, думаешь, я Яны боюсь?». Злость мгновенно вытолкнула из сердца эйфорию, слова выскочили сами по себе, помимо воли, и не оставили шансов на «отступление»:

– Знаешь, что? А поехали в Академгородок? Там Анфиска раут какой-то замутила с мажорами. Потусуемся немного и в первый коттедж на ночёвку. Ты как?

Элеонора подняла на мужчину немного растерянные, немного испуганные, но бесконечно счастливые глаза.

– Правда? Савчик?! Класс! Поехали! – девушку как ветром сдуло со стола. – Я готова!

– Готова? Тогда вперёд, – Савелий Сергеевич с трудом подавил раздражение, не любил он «Савчика», – чего ждём? Вызывай Андрюху.

Если смотреть на Академгородок с высоты полёта дрона, то его нельзя спутать с деревней или с садово-огородническим товариществом. Большой пруд посреди огороженной территории, с отходящими от него дорожками в виде трёхлучевой звезды, эмблемой трёхстороннего единства прогрессивных сил, упирающимися в коттеджи в стиле «модерн». Нет, не спутаешь Академгородок ни с Ручьями, ни с Кошатниково. Ни с высоты птичьего полёта, ни из космоса. И пока в посёлок съезжаются гости, посмотрим, чем заняты остальные участники эпохального совещания. И не только они.

Эдуард Арсеньевич Забегалов, первый заместитель Савелия Сергеевича, скучал в своём номере отеля «Юность», что в Хамовниках. Занятия на «Высших курсах повышения креативности» закончились сегодня раньше обычного, и слушателей отпустили, как говорится, на все четыре стороны. Конечно, он мог снять номер и в «Президенте» на Якиманке, но там останавливались областники, а ему, районнику, вроде, и не по чину. Ну и ладно. Так даже спокойней. «Нет. Скучно здесь, в столице, – молодой человек поднялся с кровати и пересел в кресло, – поехать, оторваться где-нибудь?». Он взял ноутбук и уже хотел спросить у Алисы совета, как вдруг зазвонил телефон. От неожиданности Забегалов подпрыгнул и чуть не уронил мобильник на ковёр. В столице у него мало знакомых, а из Засарайска почти никто и не звонил. Вернее, никто не звонил. То ли тревожить не хотели, то ли совсем забыли о его существовании. Чертыхнувшись, торопливо подкинул большим пальцем зелёный кружок вверх:

– Слушаю!

– Добрый вечер, Эдуард Арсеньевич! Медвежатников беспокоит. Не разбудил? – голос главного архитектора звучал несколько истерически. – Как ваши дела... тут такое происходит... я даже не знаю, как это всё воспринимать!

Забегалову стало немного не по себе:

– Что случилось? Аркадий Константинович, успокойтесь и объясните же, наконец, что случилось? Я ничего не понимаю.

– Савелий Сергеевич предложил расширяться! За счёт присоединения к Засарайску новых территорий, по примеру столицы. А Охлопков полчаса назад сказал, что будут Впердяки присоединять, и вопрос, вроде бы, решён. Правда, он сильно бухой был, Иван Сергеевич, но, вроде бы, с ним сам Селиванов советовался, – Медвежатников стал успокаиваться по ходу разговора, – мэр приказал подготовить расчёты и обоснования. К понедельнику.

– Что за бред? Какие Впердяки?! Почему, именно Впердяки? И куда присоединять? – последний вопрос явно был неуместным, но Эдуарду Арсеньевичу было не до логики. – Что-нибудь вахтёр ещё говорил?

– Нет, заснул на проходной, видать, по привычке. Только и успел сказать: «Мы с Савелием вас всех присоединим!», и заснул. Скотина! – архитектор окончательно успокоился. – Я просто хотел вас проинформировать.

Забегалов положил мобильник на журнальный столик и посмотрел на себя в настенное зеркало: «Надо же! Это ведь нечестно! Меня, значит, в командировку, а сам за креатив взялся? Я-то, дурак, радовался, что мне никто из Засарайска не звонит, а тут, оказывается, Савелий снять меня с должности решил! Мол, зачем мне такой первый заместитель, если я сам могу?». Почувствовав неясную тревогу, Эдуард Арсеньевич поднялся и произнёс вслух, обращаясь к своему отражению:

– Но... почему всё-таки Впердяки?

Вадим Борисович Близняк, главный редактор «второй» газеты Засарайска «Эксклюзив», с тоской смотрел на тёмный экран выключенного ноутбука. Мыслей не было, идеи отсутствовали. Мало того, что он не смог поехать на совещание в мэрию, его ещё донимала жуткая аллергия – реакция на гадость, которой только что закончили травить насекомых и грызунов.

Запах был сильным и никак не хотел выветриваться из кабинета, несмотря на настежь раскрытые окна. «С...ка! Третий раз за месяц! – главред повернул голову в сторону настенного календаря. – Наверняка заговор: СЭС прислали, задымили тут всё, загадили... Округлая позвонила за пять минут до начала, а тут ещё и у Хохлова машина сломалась. Вот и сиди здесь в смраде и без информации... как в газовой камере!». Вадим Борисович чихнул, достал из кармана платок, но не успел им воспользоваться. На столе запрыгал и завибрировал гаджет. Редактор с ненавистью посмотрел на мобильник, принципиально не собираясь отвечать на вызов, но, увидев фамилию абонента, немедленно нажал кнопку громкой связи.

– Да, слушаю! – главред постарался усилить нотки безразличия и усталости, – Анастасия Максимовна, у меня очень мало времени...

– Что?! – голос железной леди звучал как набат. – Ты в своём уме? А, Вадик? Я ведь и обидеться могу!

Обиженная Топчилина никак не вписывалась в стратегию главреда, так как никто не знал степень её влияния на главу города. Близняк понял, что переборщил и поспешил исправить ошибку:

– Да что вы, Анастасия Максимовна! Я ведь не имел в виду вас...

– Хватит нести ахиною, Вадим Борисович! Ты же меня по имени-отчеству только что назвал! Или уже в маразм впал?

Близняк проглотил обиду, сел в кресло и постарался выровнять дыхание.

– Виноват! Прошу прощения, Анастасия Максимовна! Просто я планёрку провожу, вот и не сориентировался. С кем не бывает?

– Со мной не бывает! – чиновница непроизвольно ответила недавней фразой «старого солдата» Ли. – Хватит заливать, у тебя в кабинете никого нет, всех крыс-то потравили!

Шутка получилась злой и даже двусмысленной, но Близняк стерпел. Что делать? Сам виноват.

– Я ведь уже извинился, Анастасия Максимовна! Мне теперь что? Голову пеплом посыпать? – представитель четвёртой власти почувствовал, что сильно вспотел, стараясь с минимальными потерями выйти из ситуации, в которую сам себя и загнал. – Только что отпустил сотрудников.

Скорее всего, госпоже Топчилиной нравилось издеваться над редакторами газет, но она нашла в себе силы остановиться.

– Ладно! Как говорится, проехали. Это тебе урок – не обижай слабых женщин, беды не оберёшься. Слушай: сегодня Савелий Сергеевич, ни с того, ни с сего, собрал совещание, на которое вы, Вадим Борисович, не соизволили приехать... Не перебивай, – пресекла она слабую попытку главреда, – я ведь знаю, что коллеги не станут с тобой делиться информацией. Так вот, мэр поднял вопрос о расширении Засарайска за счёт присоединения окрестных деревень. Для всех это была бомба! Кроме меня... Он заранее со мной посоветовался, – чиновница сама удивилась своей фантазии, – я поддержала. Идея-то масштабная! Вот только Савелий не сказал, что будет присоединять. Не успел. Но, я слышала его разговор с Охлопковым. Так вот, присоединять будут Впердяки! На меня не ссылайся, тему разовьёшь самостоятельно. Ты сумеешь... Пока! Звони, если что.

На самом деле, Анастасия Максимовна не могла слышать разговор первых лиц города, потому как его, разговора-то, и не было. Она просто услышала истерические выкрики главного архитектора, проходя мимо незакрытой двери его кабинета, и приняла догадки последнего за чистую монету. Поделиться новостью ей было не с кем, но и держать такую информацию внутри себя она не могла. Это было выше её сил, ведь она женщина! Хотя и «железная». «Может быть, получится разыграть какую-нибудь комбинацию? Надоело сидеть на вторых ролях, – она пока даже не представляла, в чём будет заключаться суть «комбинации», но идея

понравилась, тем более что впереди её ждал унылый вечер одинокой женщины, – кого бы подключить?». Лихорадочно пролистав записную книжку телефона, она остановилась на номере В.Б. Близняка. «Вот, то, что надо, – Топчилина вспомнила, как главред «Эксклюзива» демонстративно проигнорировал презентацию её проекта поддержки молодых мужчин Засарайска, – его-то на совещании не было, значит, с руками оторвёт информацию! А дальше – посмотрим по обстоятельствам. Только свою роль надо приподнять, чтобы не просто инсайдером оказаться!». Анастасия Максимовна глубоко вздохнула и нажала кнопку вызова.

У господина Глинкова, в отличие от его коллеги Близняка, день складывался, как обычно, удачно. Ещё бы! Ведь его газета являлась рупором мэрии, а он, её главный редактор, всегда ощущал себя как бы пресс-секретарём главы Засарайска. Сергей Дмитриевич, правда, очень обижался на слишком уж вольные интерпретации названия газеты, но наотрез отказывался от любых вариантов ребрендинга. Это и понятно, ведь именно он, С.Д. Глинков, был автором нового, креативного и броского заголовка. Раньше газета называлась скучно и буднично: «Глас Засарайска». Разве можно сравнивать? Новые времена, новые люди, новые названия.

Главред быстрым шагом прошёл мимо секретаря, едва кивнув сотруднице:

– Лена, пригласите Курилкина. Сейчас. Или как?

Войдя в кабинет, Сергей Дмитриевич быстро просмотрел записи в блокноте. Впрочем, он был абсолютно спокоен, его редакция работала как хорошо отлаженный механизм. Немного портило настроение предстоящее вечером празднование дня рождения его жены, на который загодя приехала тёща и уже три недели учила «Серёжу» азам жизни. Ну, ничего, может, уедет завтра-послезавтра?

Дверь распахнулась без стука, и в кабинет ввалился Миша Курилкин. Не спросив разрешения, журналист сел в кресло и стал изучать потолок. Главред хотел сделать вид, что ничего не произошло, но поиграть в демократию у него не получилось:

– Миша! Может ты, наконец, научишься приличия соблюдать? Или как? Стучаться, например? Или мне всю жизнь учить тебя правилам хорошего тона? Или как?

– А может быть, вы, Сергей Дмитриевич, сами научитесь трудовой кодекс соблюдать? Рабочий день-то полчаса назад как закончился! У меня должна быть личная жизнь? Или нет?

Глинков скрипнул зубами, но сдержал себя. Сын, всё-таки! Да и талантлив... сукин сын! Он было хотел перейти к делу, но снова не удержался:

– Миша, напомни, откуда такой нелепый псевдоним взялся? Чем тебе фамилия не нравится? Родства стесняешься? Или как?

– Папа, сто раз тебе говорил – Пушкина надо читать! Русскую классику, а не «Член Власти»! И хватит «какать» в конце каждого наезда! Про это уже по всей конторе анекдоты ходят. Знаешь, как тебя зовут? «Наш Какун»!

Это был явный перебор. Хорошее настроение «пресс-секретаря» мэра улетучилось почти мгновенно, сердце кувалдой застучало в груди, гнев залил глаза чуть прозрачной пеленой:

– Вон из кабинета! Вы уволены! Или... вот так!

Оставим их, пусть сами разбираются. Родня ведь... или как?

Глава шестая. Светский раут или Вальпургиева ночь

Да, сильно отстаёт ещё наша провинция от центральных городов в плане культуры. Взять хотя бы места досуга. В столице можно и в «Гоголь-Центр» зайти, и к «Барвиха LV» подъехать, и «Крокус Сити Холл» посетить. И в Северной Пальмире есть, где развернуться. К вашим услугам: и «Шляпа», и «Терминал», и «Скотный двор», и «Палкинъ». Названия-то какие! Как музыка. И везде вас ждут, и везде приветят. В блогосфере знающие люди пишут, что атмосфера там вполне демократичная и цены приемлемые. Похоже, что любой среднестатистиче-

ский гражданин, сделав непростой выбор, может там и отобедать, и отужинать, и от души повеселиться.

В этом смысле засарайская общественность чувствует себя обделённой. Что может ей предложить город? Ну, с десяток кафешек и пивных залов, шашлычные на рынке и автовокзале, да ещё два ресторана, уже известное читателю заведение «Сытый Повар» и подвальчик «Бухарин», что у городского драмтеатра. И всё! Нет в Засарайске клубов по интересам. Приличным людям, и особенно золотой молодёжи, нечем заполнить досуговое время. Да и кухни в заведениях ресторанного типа оставляют желать лучшего. Ну разве может повар-гастарбайтер приготовить что-нибудь путное, кроме шаурмы, плова или гречневой каши? Нет, не может. Даже если его выдавать за баска, как это делают в «Сытом Поваре». Знающие люди также говорят, что в «Бухарине» просто покупают просрочку в ближайшем минимаркете. Вот до 2009-го года, когда в Засарайске процветали три казино, было гораздо веселее и комфортнее проводить выходные дни, да и вообще коротать вечера. Но, как не сопротивлялся предыдущий мэр закрытию игорных заведений, казино всё-таки были ликвидированы, а сам глава Засарайска убыл в места, не столь отдалённые за организацию преступного сообщества, да так там и сгинул. С тех пор и исчезла высокая кухня из городских предприятий общепита.

Ну и с демократией в столицах вроде бы всё в порядке. Если подписаться на блог любого из столичных селебрити, то можно узнать, что на каждодневных вечеринках в элитных клубах можно повстречать не только знаменитых артистов, высших менеджеров госкорпораций и частных добывающих компаний, но и откровенное быдло. А так как быдла всегда больше, чем приличных людей, то, стало быть, и у нас есть шанс без проблем попасть на светский раут в столицах. Но это – в столицах, а в Засарайске дела обстоят похуже. Не пойдут приличные люди города ни в «Бухарин», ни к «Сытому Повару», вот и собираются они от случая к случаю либо на корпоративах, либо на квартирниках, либо в Академгородке. Если, конечно, получат персональное приглашение от временных хозяев коттеджей.

Не всем, даже очень достойным жителям города, присылают заветные приглашения, и лишь один человек не нуждается в цветастом глянцево-прямоугольнике, это Савелий Сергеевич Селиванов, который сейчас едет в служебной машине с секретарём своей приёмной по направлению к Академгородку.

Мотор тихо урчал, убаюкивая пассажиров и привнося умиротворение в душу слегка хмельного Савелия Сергеевича. «В конце концов, могу я иногда расслабиться? Тем более после такого напряжённого дня, – думал мэр, ощущая тепло Элиной щеки на своём плече, – всё равно Янка с дочками в Коста-Брава отдыхают. А я завтра в баньку, попарюсь, выплюсь, а с понедельника займусь спортом и делами. Жирок надо согнать, мышцы накачать, а то скоро буду как Мулерман, поперёк себя толще! Да и подумать надо, как утопить идею присоединения. Может, после выходных всё уже и забудется?». Селиванов знал, что ничего не забудется, слишком уж яркое впечатление произвела его речь на подчинённых. Особенно на Генриха Ивановича. «Ничего, Остерман что-нибудь придумает. Не впервой!». Эля тихо вздохнула, выпрямилась и поцеловала мужчину в щёку:

– Где мы? Скоро уже приедем? – девушка посмотрела в окно автомобиля. – Ты как, Савчик? Не передумал?

Мэр почувствовал, как бешенство кровью заколотилось в висках, и уже собрался выплеснуть гнев на подругу за «Савчика» и за неуместную «подколку», но не успел, его опередил водитель:

– Уже подъезжаем, Элеонора Филипповна, – Андрей чуть повернул голову, как бы оглядывая сидящую позади пару, – ещё три поворота, и будем на месте.

– Езжай уже... Шумахер, – Селиванов немного успокоился, – сколько раз тебе говорить: не влезай в разговор, пока не спросят. Усёк?

– Усёк, Савелий Сергеевич! – весело и совершенно не обидевшись на реплику шефа, ответил водитель. – Да вон уже и огни Академгородка!

Мэр откинулся на спинку кожаного сиденья и постарался вернуть себе благодушное настроение. Получилось не очень хорошо. Осадок от «Савчика» всё-таки остался. «Ничего, пройдёт... Сколько раз ей говорить, что терпеть не могу это «погоняло». Всё бесполезно!». Автомобиль не стал притормаживать перед шлагбаумом, тот был заблаговременно поднят.

– Молодцы! Знают, как надо встречать руководство! – мэр довольно посмотрел в затылок водителя.

– Молодцы... Как же! Спят, скорее всего. А шлагбаум подняли, чтобы мажоры не доставали, – Андрей говорил со знанием дела, – надо будет Великолукскому наступать, а то нюх совсем потеряют.

Селиванов тихо крикнул от досады, но промолчал. Прав ведь, водила! Надо в понедельник «накачать» начальника отдела контроля, а то и он... нюх потеряет!

Автомобиль плавно остановился у второго коттеджа, у машины мгновенно возникла фигура пожилого, но довольно бравого секьюрити. Одной рукой он открыл дверцу «персоналки», другую приложил к головному убору, приветствуя руководство:

– Здравия желаем, Савелий Сергеевич! – охранник поддержал мэра под локоть. – А мы и не знали, что вы прибудете.

Селиванов почувствовал, как к нему возвращается хорошее настроение: «Нет! Не прав Андрюха, вышколил Вован свою «бригаду», надо будет сказать, чтобы поощрил этого бойца».

– Тебя как зовут? – спросил глава города, оглядывая парковку у коттеджа. – Много народу-то?

– Селиванов я, господин мэр, Савелий, только Иванович по отчеству, – секьюрити явно наслаждался эффектом, – а народу много понаехало. Вот только Анфиса Анатольевна про вас не сказала, да и директор ЧОП тоже не проинформировал. Может, забыл?

– Я ему забуду! – скорее для порядка сказал мэр. – Элеонора Филипповна! Вы скоро?

– Я здесь, – секретарша стояла рядом и поправляла причёску, – народу-то много?

– Пошли уже, – Савелий Сергеевич, не оборачиваясь, и не предлагая руку девушке, направился ко входу, – а ты, Савелий Иванович, звони... если что!

– Есть! – мэровский тёзка вытянулся как на параде. – Премного благодарен, господин мэр!

Сотрудник охраны повернулся и вошёл в темноту деревьев: «И чего меня так пробрало? Ну, прямо как в прислугу записался! – на душе у пожилого Селиванова стало гадко, как при тяжёлом похмелье. – Хорошо ещё ребята не видели! То-то бы повеселились».

Народу и впрямь было много. И не просто народу. В зале собрался весь цвет Засарайска. По большей части золотая молодёжь города. И в самом деле, зачем Анфисе проводить время в обществе «старпёров»? Скучно! Но, к чести светской львицы, она не сторонник геронтофобии, и поэтому в числе приглашённых есть люди, искренне считающие себя молодыми или пытающиеся бороться со старением. Получился некий возрастной микс, но хозяйка чувствовала себя довольно комфортно, тем более что в социальном плане всё было в полном порядке. Лишних людей здесь не было. То есть они, конечно, были, но где-то вне мира элиты. Ну и ладно. Надо же кому-то их обслуживать? Охранять, подметать, подстригать, водить машины? Да мало ли дел на белом свете?! В конце концов, «суум куиквз», не нами придумано.

Несмотря на многочисленность, гостям было уютно и спокойно в банкетном зале коттеджа. Вечеринка только набирала обороты и диджей XL Pistolero DJ, что называется, выпрыгивал из штанов, пытаясь завести публику. Алкоголь пока не согрел души гостей, и они просто общались друг с другом, не обращая внимания на потуги мастера диджеинга. Хозяйка была

абсолютно спокойна, она не сомневалась, что раут удастся на славу, и гости будут ещё долго обсуждать его подробности.

Анфиса сидела в уютном уголке зала напротив Владимира Владимировича и смотрела на танцпол.

– Слушай, зая, ты не в курсе, что там мой родственничек замутил? «Присоединение» какое-то... Ты ведь наверняка больше других знаешь, не поделишься? – девушка грациозно перекинула ногу на ногу. – Я никому не расскажу!

Великолукский уже и забыл про совещание, и тем более про его повестку, но показаться Анфисе непосвящённым в тайные планы шефа он просто не мог.

– А что я буду иметь с этого? Информация-то дорого стоит! Тем более что Савелий строго настроено запретил сливать инфу газетчикам.

– Ну, зайчик! Ну... ну...! Зая, ты же не станешь обижать свою девочку?

Против таких аргументов Лука устоять не мог. Да и кто бы смог? Беда в том, что начальник отдела контроля даже приблизительно не мог вспомнить тему непланового собрания, ему это было не надо. Он любил конкретику, а фантазии начальника его попросту не интересовали. Но Владимир Владимирович не привык отступать:

– Слушай, Фиса! Мне надо позвонить в одно место, а потом поговорим. Хорошо? Я быстро.

Лука поднялся и, на ходу вытаскивая мобильник, прошёл в курительную комнату. Присев на кушетку нажал кнопку вызова.

– Олежка, слушай! Езжай в мэрию, там на проходной вахтёр спит. Бухой. Растолкай и выясни, что за базар был на сходняке. Усёк? У тебя полчаса. Я на трубе. Давай.

Великолукский не сомневался, что Олег оперативно справится с поручением, поэтому с лёгким сердцем вернулся в зал и остановился от неожиданности. На его стуле рядом с Анфисой сидел «ушлёпок» Мишка Курилкин, журналист из «ОВ». Почувствовав, как кровь застучала в висках, Лука набрал полные лёгкие воздуха и с шумом выдохнул, стараясь успокоиться. «Вот овца! Не успел выйти, и сразу же... Мишка, сынок редакторов!». Взяв у официанта с подноса снифтер, он замахнул приличную порцию коньяка, и, ожидая, когда элитный алкоголь успокоит душу, мрачно осмотрелся вокруг. Народ всё ещё пребывал в предстартовом состоянии: дамы исподволь изучали наряды потенциальных соперниц, мужчины собирались в коллективы по профессиональным признакам и пока не пытались устанавливать контакты с незнакомыми или малознакомыми соратниками по вечеринке, и только молодёжь шумно радовалась возможности потусить. Владимир поднял глаза и увидел серьгу в ухе молодого официанта.

– Ты чё, из этих?

– Неа... Я байкер! – было видно, что парень устал объяснять, в каком ухе носят серьги представители меньшинств. – У меня в левом ухе, а вот прокурорский сынок, тот «из этих».

– Знаю, наплевать... Плесни ещё, – Лука посмотрел в сторону потомка городского прокурора и сплюнул, – полнее наливай! Краёв не видишь, что ли?

Зазвонил телефон. Владимир Владимирович, мельком глянув на экран, быстро поднёс гаджет к уху:

– У аппарата! Ну что? Узнал что-нибудь?

– Короче, Лука! Нашёл я вахтёра. Бухой в доску! Спал на стуле у турникета...

– Давай по теме, без подробностей, – Лука поморщился и допил коньяк, – по существу давай, времени мало.

– Лады! Короче, растолкал я Сергеича, а он сказал, что шеф у него спрашивал совета, кого к Засарайску надо присоединять. Ну а Ванька ему про Впердяки, мол, там и ферма есть, и центральная улица заасфальтирована, и памятник колхознику в центре... Короче, шеф, вроде бы, похвалил вахтёра и две бутылки водки в премию выдал. Такие дела!

– Бред какой-то! Что-то ещё? – Лука поморщился, пытаясь постичь смысл сказанного. – Может, даты какие назвал? Или фамилии столичные?

– Нет, точно ничего не говорил, – Олег хмыкнул, – вахтёр потом угол вестибюля с туалетом перепутал...

– Всё, хватит! Будь на связи, тема важная, – Владимир Владимирович уже понял, как преподнести информацию Анфисе, и выключил телефон. Он огляделся по сторонам и, стараясь придать лицу безразличное выражение, направился к столику, за которым Анфиса беседовала с Мишкой Курилкиным. Едва кивнув журналисту, Лука присел на стул. Анфиса встретила его ласковым взглядом и вновь повернулась к собеседнику:

– Что? Так и сказал: «уволен»?

– Нет, он сказал: «Вы – уволены!», – парень с тоской и надеждой смотрел на Собакину, – в любом случае, я в «Член» больше не вернусь, обрыдло! Как у Булгакова: «Взвейтесь – развейтесь!». Надоело! Может, возьмёте к себе? Я смогу быть полезным. Вот увидите...

Анфиса коротко хохотнула и положила ладонь на руку молодого человека:

– Ладно, я подумаю... А сейчас иди, Миша, отдыхай. Взвейся и развейся! Позвоню тебе в понедельник. Окей?

Владимир скучающим взглядом проводил спину журналиста и с трудом выдавил из себя ленивый зевок. Он всеми силами пытался показать Анфисе, что его ничуть не интересует тема её беседы с Мишкой и что он вообще забыл о просьбе девушки. Но, честно сказать, Лука был плохим актёром, и Анфиса хорошо это знала. Она тихонько взяла мизинец собеседника и подвигала его из стороны в сторону:

– Тик-так... Тик-так... Зая... Не ревнуй! – глаза девушки излучали тепло и нежность. – Лукашечка! Просто папашка выгнал сыночка из газеты и Мишанька пришёл проситься ко мне. Тик-так... Ну? Заяяяя...

Лука почувствовал, как мурашки приятно пробежали от шеи вниз по позвоночнику:

– Да не ревную я! Чего мне ревновать к этому ушлёпку? Я тут дела порешал, может, пойдём, потанцуем?

– Обязательно пойдём! Только сначала расскажи, что там мой дядя задумал? – Анфиса изобразила хитрую девочку. – Ты ведь знаешь, что значит для меня такая инфа! А, кроме тебя, кто мне поможет? Ты ведь мой мужчинка!

Лука окончательно растаял и стал похож на служебную собаку, которой показали кусок сочного мяса:

– А! Ты об этом? Я уже и подзабыл... Короче, шефу напел Охлопков, что надо присоединить к городу Впердяки, мол, там ферма молочная есть, будто будут пенсионерам молочку бесплатно раздавать. Шеф теперь думает. Странно только, что он советовался с вахтёром. Немец бы ему всё по полочкам разложил.

– Ты уверен, что Савелий замутил тему без Остермана? – Девушка недоверчиво посмотрела на собеседника. – Что-то здесь не так! Присоединить чужие территории без связей Немца не получится. Что-то здесь не так...

Лука снова почувствовал прилив злой ревности. Уже к Остерману. Промолчать он просто не мог:

– А чо, Немец король, что ли? Есть и другие люди со связями, – Владимир почувствовал, что его несёт, но было уже поздно, – гораздо круче!

Анфиса с искренним интересом посмотрела на своего визави:

– Ты ещё что-то знаешь? Ты что, был в курсе?

Вообще-то Лука был от рождения лишён абстрактного мышления, но с ним что-то произошло. В нём проснулось творческое начало, и, хотя он сам себе напоминал школьника, напропалую врущего своим одноклассникам для поднятия дешёвого авторитета, упасть в глазах Анфисы он не мог:

– А то! – Великолукский откинулся на спинку стула и снисходительно посмотрел на подругу. – Я сам и навёл шефа на этих людей. По его просьбе, кстати.

Он вдруг увидел, что в глазах девушки погасла «смешинка», и они наполнились уважением и даже робостью. Это придало толчок фантазии, которая разогнала до сапсановской скорости.

– Я тянул резину, но шеф в натуре насел, мол, если я не помогу, то ему край, а меня уволят.

Мозг Луки никогда в жизни не работал с таким напряжением, но вместо усталости он почувствовал невероятный прилив умственных сил. Анфиса, слегка приоткрыв рот, продолжала чуть ли не с восторгом смотреть на собеседника. Мужчина навалился грудью на край стола, обозначив приближение некоего апогея беседы:

– Что делать? Я связался с людьми, они сейчас в нефтянке. Мол, так и так, надо помочь хорошему человеку, а то нам край, деньги есть, но нужна поддержка в правительстве. Люди взяли время на подумать. Вчера они сообщили, что крыша будет. Ну, а там я не знаю, до чего шеф договорился. Да и знать не хочу. Тема-то не моя!

Острый ум Анфисы дал откровенный сбой. Она безоговорочно поверила Луке! Да и, честно говоря, не могла не поверить, ведь он абсолютно не умел врать. Ему это было не нужно. В силу жизненных обстоятельств.

Собеседники одновременно перевели дыхание как после марш-броска. Владимир Владимирович поманил официанта-байкера, взял с подноса рюмку абсента и залпом выпил семидесятиградусную жидкость. Анфиса понемногу приходила в себя, и было от чего. Информация от Луки по истине «бомбическая»! Обрывки мыслей беспорядочно роились в голове и никак не желали останавливаться. Девушка взяла бокал шампанского и отпила глоток тёплого, выдохнувшегося вина. Вдруг одна мысль замедлила бег и острой иглой отдалась в сердце:

– Слушай, Лука! Получается, что вы с братцем меня просто кинули? – глаза заблестели негодованием. – Савелий замутил тему, ты всё знал, а мне ничего не сказали?! Ладно, он городская шишка! Но... ты! Ты ведь даже и не вспомнил про меня! Знаешь, что? Катись к своему шефу и к своим «людям»! Видеть тебя не хочу. Штирлиц засарайский!

Анфиса резко поднялась и чуть не выплеснула остатки тёплого шампанского в лицо опешившего мужчины. Уронив бокал на пол, девушка направилась к сцене, останавливаясь у столиков и группировок гостей. Несомненно, ей было трудно сохранять приветливость и беззаботность, но что поделаться? Она – хозяйка и королева «бала»! Положение обязывает.

– Все они одинаковые! Одно слово – бабы! – байкер-официант поставил бокал на стол. – Налить чего-нибудь? Водяра, правда, здесь «бодяжная», но коньяк – то, что надо! Так что? Налить?

Владимир Владимирович непонимающе посмотрел на парня, но стакан пододвинул. Официант как-то криво улыбнулся, до краёв налил в посуду коньяк и сочувственно подмигнув, направился вслед за Анфисой, ловко балансируя подносом с фужерами и бутылками. «Какого хрена? – Лука как бы спрашивал совета, обращаясь к бокалу с янтарной жидкостью. – В чём здесь прикол?». Оставим беднягу одного. Пусть сам разбирается. Зачем было врать?

Глава седьмая. Продолжение Вальпургиевой ночи

Зачем было врать? Ведь ложь не принесит счастья и удачи, даже если она и во спасение. Впрочем, не соври Владимир Владимирович главреду «ЖГ», как бы развивалась наша история?

Между тем, шум в зале нарастал. Диджей XL Pistolero DJ уже практически овладел вниманием публики и чувствовал себя на вершине рейтинга, по крайней мере, своего, внутреннего. Запасы спиртного в баре понемногу уменьшались, и пропорционально этому процессу нарастала раскрепощённость «народа». Уже и «делегаты» начали перемещаться от группы к

группе, и танцпол заполнился парами, желающими короткого сближения. Жизнь набирала обороты и наполнялась смыслом светского бытия.

Несмотря на осадок в душе, оставшийся после недавнего разговора с Лукой, Анфиса чутко реагировала на любые изменения ситуации и незаметными жестами ловко управляла действием. Вот и сейчас, поздоровавшись с очередным гостем, она чуть приподняла руку и щёлкнула пальцами. Диджей мгновенно приглушил музыку и на сцене появился приглашённый из столицы известный конференсье. В будни мэтр работал ведущим на знаменитом музыкальном радио и потому в представлении не нуждался. Почесав микрофоном бороду и дождавшись относительной тишины, Александр пристально посмотрел в темноту зала и, нажимая на букву «р», выдал коронную фразу:

– Наши в горрроде!

Зал буквально взорвался от восторга, даже представители золотой молодёжи, позабыв про обязательный нигилизм, искренне аплодировали и доброжелательно посвистывали радиоведущему. Обстановка отдалённо стала напоминать известный рок-фестиваль, и Анфиса вздохнула с некоторым облегчением. Всё шло как по нотам. Девушка повернулась и пошла в сторону курительной комнаты, на ходу вытаскивая мобильник из кармана. «Народ» снова вспыхнул эмоциями – это конференсье, переполненный чувством любви к Засарайску, сорвал с головы бейсболку и лихо швырнул её в зал. Анфиса слегка улыбнулась и вошла в пустую комнату, пропахшую табаком, парами вейпов и тонким запахом каннабиса. Девушка плотно прикрыла дверь и нажала кнопку вызова. Ждать пришлось не очень долго. Мужской голос отозвался чётко, но издалека:

– Добрый вечер, Анфиса! Рад вас услышать, – голос и в самом деле звучал доброжелательно, без приторности, – наверное, из-за меня оторвались от роли королевы засарайского бомонда? Извините, не хотел.

«Королеву» несколько покорибила характеристика местной элиты, но она сдержалась и, придав голосу нотки безразличия и томности, ответила:

– Ничего страшного! Бомонд и без меня на взводе. Я тут пообщалась с Володей по нашей теме, – девушка немного помолчала, но мужчина не отозвался – ждал продолжения, – Лука сказал, что дядюшка давно вынашивал планы присоединения новых территорий и якобы заручился поддержкой в столице каких-то людей из нефтянки. Вроде, обещали помочь с организационными вопросами на уровне правительства. Странно только, что Остерман ничего не знал о планах.

Анфиса понимала, что мужчине на том конце несуществующего провода нужно время для переваривания информации, и она интуитивно включила внутренние часы. Шум в зале продолжал нарастать, звуки буквально ломались в дверь курительной комнаты, и ей внезапно захотелось оказаться там, вместе с гостями, конференсье, диджеем XL Pistolero DJ и даже с глупым Лукой. Она слегка кашлянула в трубку и осторожно напомнила о себе:

– Алё! Вы на связи? Или забыли про меня?

– Я здесь. Спасибо. Информация ценная. Я рад, что вы у меня есть. Позвоню. Всего хорошего!

Анфиса с облегчением выключила гаджет и, укладывая его в карман, подошла к выходу, но дверь распахнулась сама. На пороге стоял сильно пьяный Владимир Владимирович, который, даже не пытаясь что-то сказать, показал куда-то за спину, нелепо выворачивая руку.

– Ты что, Лука? Гимнастикой решил заняться? Не время для спорта. Отдыхай. Я тебя ещё не простила!

– Там... шериф! – мужчина икнул, глупо улыбаясь, – то есть... шеф... с Элькой-секретаршей.

Было видно, что Владимир держится из последних сил.

– Прикрой меня. Я домой, – Лука опустился на диван, завалился на бок и заснул.

– Дааа... дела! Нашёлся ковбой, тоже мне! – Анфиса брезгливо посмотрела на спящего мужчину. – А дядюшка какого чёрта приехал? Оторваться решил?

Девушка вышла в зал и огляделась по сторонам. «Народ» отрывался по полной программе. Диджей и конференсье по-козлиному носились по сцене, изображая Ангусов Янгов в молодости. Было весьма похоже, но им явно не хватало школьной формы. «Блин! Как себя вести? – Анфисе очень хотелось поругаться с родственником, но она не получила инструкций от своего контактёра, и это её смущало. – Ладно, буду действовать по обстоятельствам».

Она ещё раз осмотрела зал. У барной стойки, в самом углу, сидел Савелий Сергеевич и всем своим видом старался дистанцироваться от счастливой Элеоноры Ф. Округлой. Хозяйка раута решительно направилась к парочке. Селиванов обрадовался появлению племянницы и поднялся на встречу:

– Привет! Примешь гостей? – мэр хотел казаться раскрепощённым, но получалось как-то плохо. – Вот, решил к тебе заехать. Трудный день был. Устал.

Анфиса приветливо улыбнулась и, обогнув Селиванова, подошла к спутнице родственника. Следуя неписанным правилам этикета, девушки слегка обнялись и чмокнули друг дружку в щёки.

– Извини, Эл! На совещании нельзя было... Ты как? Выглядишь на все сто! – девушке очень хотелось взять «подругу» за волосы и выкинуть её на улицу. – Поправились немного. Ты случайно не беременна?

Секретарша испугано посмотрела на свой живот и беспомощно оглянулась на шефа. Она была глупа. По крайней мере, в этот момент. Савелий Сергеевич, чуть не задохнувшись от негодования, схватил зарвавшуюся родственницу за руку и с силой сжал её локоть.

– Ты чо? Берега попутала?! – казалось, мэр сейчас испепелит «королеву» засарайского бомонда взглядом. – За базаром-то следи!

– Отпусти, больно! – на глазах Анфисы появились слёзы. – Отпусти, тебе говорят!

– Ну ты... коза! – Савелий Сергеевич ослабил хватку и оттолкнул девушку. – К тебе как к человеку, а ты...

– Извини, Савелий Сергеевич! Не знаю, что на меня нашло. Я ведь дура! – Анфиса в одно мгновение превратилась в пай-девочку. – Тоже устала. А тут ещё твой Лука пьяный приставал. Спит сейчас в курилке.

Мэр успокоился и внимательно посмотрел на живот секретаря приёмной:

– Слушай, а ты, и в самом деле, не того? Не залетела часом?

Глаза бедняжки наполнились слезами, тушь потекла тонкими ручейками, и девушка без сил опустилась на стул. Она уже и не понимала, что происходит и где она находится. Странно, но Анфисе вдруг стало жалко глупенькую и несчастную Элю. Она подняла подбородок девушки и осторожно вытерла платочком черные линии туши:

– Сколько раз тебе говорила: не пользуйся «фактором», купи себе «драму квин»! Немного дороже, зато – хоть обрыдайся, не потечёт!

– Я искала... Не нашла... Везде один «китай»! А у меня аллергия на узкоглазых! – успокоившаяся было Эля зарыдала с новой силой. – Аллергия! А тут ещё и «беременная»!

Последняя фраза секретарши больно резанула Савелия Сергеевича по сердцу. Этого только не хватало.

– Ты чё? Серьёзно? – мэр напряжённо смотрел на подругу. – Или прикальываешься?

– Да не прикальываюсь я! – Эля сквозь слёзы посмотрела на вытянувшиеся лица собеседников. – Не беременная я!

Родственники с облегчением выдохнули накопившееся напряжение. Анфиса снова наклонилась к девушке:

– Не реви! Пойдём, провожу тебя в туалет. Умоешься, подкрасишься и опять – в бой! Пойдём.

Девушки, опираясь друг на друга, проследовали мимо ещё не пришедшего в себя Савелия Сергеевича и скрылись за поворотом. Мужчина опустился на стул и обессилено положил руки на колени:

– Вот блин! Наверное, действительно: все бабы – дуры! Даже Анфиска! А, вообще-то, пошли они...

– Вот и я так думаю! – из-за спины мэра вытянулась рука уже знакомого нам официанта. – Вам до краёв? Или половинку? – парень сочувственно смотрел в лицо мужчины. – Тут без пол-литра не разберёшься! Дед мой так говорил.

Селиванов от неожиданности чуть не выронил стакан. Он мрачно посмотрел на официанта и увидел серёжку в ухе:

– Ты что, из этих? И откуда ты такой взялся? Я тебя что, звал?

Парень нисколько не смутился и не расстроился:

– Нет, не звали. Просто я увидел, что вам необходимо выпить и решил помочь. Это – моя работа. Я не «из этих». Я байкер! А вот сынок прокурорский, тот из них, «из этих» ...

– Да знаю я! Наплевать, наливай до краёв.

Савелий Сергеевич смотрел, как официант наполняет его стакан коньяком и тихо думал ни о чём. В мозгу мэра мелькали мысли о сыне прокурора, «беременной» Элеоноре, племяннице и необходимости подкрасить памятник Ильичу на городской площади.

– Закусывать будете? – голос «байкера» звучал успокаивающе и ненавязчиво. – Лимон? Шоколад? Есть мясное ассорти и крутой итальянский сыр. Он, правда, с личинками-червячками, но шеф-повар сказал, что в Италии его едят только миллионеры!

«Червивая» фраза почему-то вывела Селиванова из ступора. Он с любопытством посмотрел на серёгу в ухе официанта, брезгливо отодвинул от себя тарелку с закусками:

– Жрут, значит червей, козаностровцы ср... ные? – ему вдруг стало весело, – пусть к нам приезжают. В неплюевском лесу этой гадости на всю Италию хватит! И ещё испанцам останется! А тебя я назначу директором городской программы по разведению мокриц. Тебя как зовут, итальянец?

– Неа! У нас в мотоклубе погоняла дают по профессии. Я, например, Фил. Это потому, что я филолог. Только работы пока нет. Когда в Засарайске открыли Академию лингвистики, меня пригласили докторантом на кафедру скандинавских языков. Обещали комнату в коттеджном посёлке и зарплату, как у доцента в МГИМО. Жду. А пока вот работаю официантом и угол снимаю, на комнату-то не хватает.

Савелию Сергеевичу стало не по себе. Давно он не испытывал чувство неловкости, но сейчас ему показалось, что краска стыда залила его от макушки до пяток. Он не нашёл ничего лучше, как буркнуть невпопад:

– А в каком посёлке обещали? И кто тебя приглашал?

– У меня письмо есть, от министра образования города – Антонова Макара Семёновича. Странное совпадение: если поменять местами ФИО, то получится почти Макаренко Антон Семёнович! Я даже деньги на проезд получил и подъёмные, полторы тысячи рублей! А про посёлок я ничего не знаю, в Засарайске только один посёлок – этот, где мы с вами сидим. Наверное, строят где-то. Не может ведь «целый» министр обманывать?

Странно, но алкоголь не только не помог расслабиться Селиванову, но как будто ещё и усилил душевный дискомфорт. Мэр хотел уже наорать на официанта с высшим филологическим образованием, как вдруг зал снова взорвался криками и аплодисментами. Савелий Сергеевич повернулся в сторону сцены и с преувеличенным вниманием стал вглядываться в полумрак зала. На сцене, чуть пошатываясь, стояли местный диджей и столичный конферансье. XL Pistolero DJ держал в высокоподнятой руке продолговатый предмет, а знаменитый Александр вещал со сцены:

– А сейчас – сюрприз! Мы с Пистольеро приглашаем всех на свежий воздух, где вас ожидает незабываемое фаер-шоу, которое вам покажут лучшие в области фаерщики. Итак, все – на площадь, и... Встречайте: Константин и Семирамида Огнеборцевы! Между нами, – Александр заговорщически «притушил» голос, – это, конечно, псевдоним, но псевдоним – по делу! Вперёд! Старт шоу даст мой друг, замечательный диджей Пистольеро! Он выдернет чеку из этой штуковины, и она выбросит настоящий столб пламени! Пистольеро, покажи гостям наш стартовый пистолет.

«Народ» по достоинству оценил каламбур конференсье и замер в ожидании. Диджей, подогретый адской смесью коньяка и виски, давно потерял ощущение реальности и координацию. Он расслышал лишь предпоследнюю реплику соратника и принял его слова за команду. Восторг снова накрыл его волной и, выдернув чеку, он швырнул штуковину в глубину зала. Гости испугались не сразу. Самые бойкие из них сначала пытались поймать горящий фальшфейер, но он вырывался, обжигая ладони и извергая яркое пламя красного цвета. Наконец люди поняли, что шоу вышло из-под контроля, и рванулись к выходу. Началась давка, в которой кто-то толкнул эбонитовую гильзу в сторону окна. Шторы вспыхнули мгновенно. А как же иначе? Шёлк-то натуральный!

Савелий Сергеевич сразу понял, что случилась беда. Сработал инстинкт самосохранения. Позабыв про секретаршу и племянницу, мэр ринулся к окну, расталкивая на ходу мебель и людей, загораживающих дорогу к спасению. Схватив стул, он с силой швырнул его в окно и буквально нырнул в тёмный проём. Уже пролетая над подоконником, Селиванов почувствовал сильный удар по голове – это сверху упал тяжёлый карниз, сорванный с места шторами и тюлем. Потеряв координацию, мужчина не успел сгруппироваться и плашмя рухнул на брусчатку. Второй удар выключил сознание, и мэр остался лежать под окном горящего коттеджа.

Глава восьмая. Про «отвагу» на пожаре

Элеонора под руководством Анфисы заканчивала макияж и уже забыла про беды, так неожиданно на неё свалившиеся. Что и говорить, хорошо иметь лёгкий характер. Боевой раскрас получался впечатляющим, и уже оставалось нанести последние штрихи, как вдруг девушки почувствовали запах гари. Первой спохватилась секретарь приёмной:

– Смотри, дым какой-то из-под двери...

Анфиса посмотрела на входную дверь и покачала головой.

– Заставь диджея богу молиться... Всё-таки переборщили с пиротехникой! Это всё Пистольеро отмороженный со своими идеями. Ты, Эл, заканчивай, а я пойду, мозги им вправлю!

Распахнув дверь, девушка в испуге остановилась. В дамскую комнату ворвались людские крики, клубы дыма и пока ещё слабое дыхание пожара. Анфиса спиной отпрыгнула назад, захлопнула дверь и испугано посмотрела на Элеонору. Та продолжала красить губы.

– Перестань сейчас же! Ты что, дура?! Не понимаешь, что мы горим? – она кричала на подругу с таким надрывом, что та выронила губную помаду из рук. – Что будем делать?

– Давай позовём Савчика. Он нас спасёт. Сначала он вынесет меня, а потом вернётся за тобой, – Эля говорила вполне серьёзно, – он честное слово и тебя вынесет. Правда! Я ему скажу, и Савчик вернётся...

– Ну ты и... – Анфиса чуть не задохнулась от негодования, но вдруг поняла, что объяснять что-то подружке – только время терять. – Давай, пошли. Будем сами выбирать.

Она решительно открыла дверь и, не оглядываясь, шагнула в темноту и дым. Секретарша пожалала плечами, подняла и уложила губную помаду в сумочку, бросила взгляд на своё отражение в зеркале и направилась вслед за племянницей мэра. Она успела сделать только пару шагов, как столкнулась с Анфисой. Подруга одной рукой прикрывала рот, а другой втокнула секретаршу в комнату. Девушки буквально рухнули на мраморную плитку пола. Лицо Анфисы

напоминало маску джокера из известного фильма. Слезы самопроизвольно катились по щекам, кашель разрывал гортань. Немного отдышавшись, она вытерла рукавом рот и осипшим голосом прошептала.

– Не выберемся сами. Ты звонила Савелию? – она с трудом поднялась с пола и открыла кран с холодной водой. – Звонила? Или нет?

В глазах Эли появилась мысль, она стала торопливо доставать телефон из сумочки, бормоча себе под нос:

– Сама – дура! Когда бы я успела позвонить? Щас позвоню. Щас он придёт, – девушка несколько раз нажала кнопку выключателя, – надо же... разрядился! Фисочка, дай свой мобильник, мой, зараза, разрядился...

Анфиса посмотрела на подругу как на воплощение убогости и не ответила. Лишь тихонько вздохнула и подняла глаза на форточку в стене:

– В форточку тоже не пролезем. Отверстие на Кейт Мосс рассчитано, да и высоко очень, – она снова посмотрела на секретаршу, – что делать-то будем, подруга? Скоро задохнёмся. Я свой телефон на столике забыла, когда тебя сюда повела, – добавила Анфиса невпопад.

Элеонора начала понимать, что это всё не шутки и что это происходит именно с ней. Мозг заработал с новой силой. Ей очень хотелось жить.

– Слушай, Фиса! Если мы не можем позвонить Савчику, давай позвоним пожарным! Они-то нас точно спасут!

Анфиса ничего не ответила «поумневшей» девушке, просто обняла её и погладила по голове. Как ребёнка.

– Глупенькая ты моя! Ёлочка, – она хотела сказать что-то ещё очень важное, но не успела: дверь внезапно содрогнулась и плашмя рухнула на пол, едва не придавив подруг. На пороге стоял вымазанный сажей и пеплом Мишка Курилкин.

– Живы! Вот вы где! А я с ног сбился, – кашель раздирал его грудь, но парень, подавив спазм, нагнулся и рывком приподнял девушек с пола, – бежим, я знаю, как выбраться! Ещё успеем!

Он первым выскочил в задымлённый коридорчик и тут же повернул налево: там находилась подсобка уборщицы, про которую знать не знала хозяйка коттеджа. Ей было незачем. Михаил ударил ногой в дверь, и она открылась. Можно было просто нажать на ручку, но парень не знал, что дверь давно не закрывается из-за сломавшегося три месяца назад замка. Впрочем, ему было не до мелочей. Время поджимало. Курилкин втянул девушек в комнатку и перевёл дыхание:

– Я всё время смотрел на вас, Анфиса Анатольевна! Отвлёкся только на минутку, когда вы к Селиванову направились. Тогда придунок Пистольеро и швырнул пиропатрон... Ладно, потом расскажу, если интересно будет... А сейчас – прошу! – молодой человек распахнул окно. – Только быстрее! Я помогу.

Воздух Академгородка заполнился воем пожарных сирен, но Лука проснулся не от этого – на нём начали тлеть брюки. Он немного поворочался и проснулся. Вокруг висела плотная завеса из дыма, пепла и почему-то туалетной бумаги. Ещё не совсем очнувшись ото сна, осложнённого похмельем, Владимир Владимирович тупо посмотрел на дымящиеся штанины брюк.

– Что за хрень? Где я? – будучи уверенным, что, заснув в своей постели он, как обычно, уронил непогашенную сигарету, Лука осмотрелся вокруг. – Что за хрень? Я не дома?

Обрывки воспоминаний стали потихоньку складываться в картинки сюрреалиста, а уже не на шутку разгоревшиеся штанины окончательно вернули Великолукского в реальность:

– Блин! Пожар! – Лука с остервенением захлопал по дымящимся брюкам. – Стоп! Анфиса!

Страшная мысль молнией сверкнула в голове. Только сейчас он чётко разглядел густые клубы дыма и язычки пламени, бегающие по паркету. Жар припекал ступни через подошвы полуботинок, а притушенные было штанины брюк снова начали дымиться у щиколоток. Если бы на его месте в курилке находился любой другой человек, то тот наверняка бы уже или задохнулся, или потерял надежду на спасение. Но в комнате стоял отрезвевший от предчувствия беды Лука. Живо оценив обстановку, Великолукский не стал выпрыгивать в спасительное окно, а, завернувшись в сорванный со стены гобелен, бросился в зал. Откуда он знал, что Анфиса находится в коттедже? Не иначе как синдром поэта Безродного проявился. Может, оно и так. Кто знает? Скорее всего, Владимир Владимирович никогда не читал четвёртой главы бессмертного романа, но, как и в случае с Иваном Николаевичем, его вела вперёд неведомая сила.

Перед глазами Луки предстала картина полного разгрома. В зале, наполненном плотным туманом из дыма и освещённом лишь языками пламени, валялись мебель, разбитая посуда и забытые в панике вещи. Увидев на сцене нечто, напоминающее тело человека, мужчина бросился к нему, перескакивая, как в стипль-чезе, через перевернутые столы и стулья. Взлетев на подиум и не обращая внимания на ожоги, Лука приподнял с пола кучу брошенной одежды, но под ней никого не оказалось. Только микрофон с оплавленной ручкой лежал на обуглившемся паркете. «Так, спокойно! Где же ты? – чувствуя, как дым просачивается уже в самое сердце, Великолукский посмотрел в глубину зала. – Точно! Она там!».

Спрыгнув со сцены и едва держась на ногах от удушья, Лука почему-то бросился к входным дверям. Слезы и пот струями стекали по щекам и высыхали от жара, не достигнув подбородка. Ему было наплевать на как-то незаметно свалившиеся брюки и занявшийся на спине огнём пиджак. Он должен спасти Анфису, и это сейчас было главной целью всей его жизни. Собрав остатки сил и прикрыв рот ладонью, Лука сделал несколько шагов вперёд и увидел лежащее на пороге тело. Опустившись на колени, он подполз к человеку и снял с его головы остаток портьеры. Это был Пистольеро, ещё живой, но уже одной ногой шагнувший в вечность. Владимир потом так и не смог вспомнить, как он поднял тело диджея и сделал спасительный шаг к двери. Он помнил только, как на пороге появились пожарные, похожие на космонавтов и марсиан одновременно. В мозг ворвалась старая, давно забытая блатная песня, и Великолукский потерял сознание.

Гости и персонал собрались у пруда. Большинство из них уже оправилось от шока, и они с удовольствием разглядывали полыхающий коттедж, не забывая делать селфи на фоне пожара. Между людьми сновали прибывшие к месту происшествия медики и пытались оказать помощь пострадавшим. Пожарники развернули брезентовые рукава и старательно поливали дом пеной, стремясь сбить пламя. Некоторые из сотрудников, очевидно, по ошибке и совершенно безо всякого умысла, периодически направляли мощные струи на соседние коттеджи. Наверное, они просто хотели проверить стеклопакеты на прочность. В конце концов: «лес рубят, щепки летят!». События шли своим чередом, как вдруг, раздался пронзительный женский крик: «Савчик!». Это Элеонора пришла в себя и, не увидев среди людей Савелия Сергеича, забилась в истерике. Анфиса и Михаил пытались удержать рыдающую девушку. Им было очень трудно. И неловко. Особенно Анфисе, заметившей в толпе своих коллег-конкуренток. Она глубоко надвинула на глаза неизвестно откуда взявшуюся на голове бейсболку, и с ненавистью прошипела:

– Заткнись, овца! Никуда не денется твой Савчик, – девушка повернулась спиной к публике и посмотрела на Курилкина, – что делать?

– Я сейчас! – парень отпустил руку Элеоноры Округлой и, пригнувшись, побежал к коттеджу. Впрочем, его и так никто бы не заметил. Все были заняты своими делами. Вот только оцепление почему-то забыли выставить. Бывает!

Михаил остановился в нескольких метрах от здания. Было очень жарко. Парень подставил голову под ниспадающий поток воды и, смочив волосы, стал внимательно осматривать периметр коттеджа. Он увидел, что внутри дома уже работают пожарные, и успокоился. «Если Савелий внутри, то его найдут сотрудники, – резонно подумал отставной корреспондент, – осмотрюсь-ка я вокруг дома». Уже совершенно не беспокоясь о маскировке, он выпрямился и сделал несколько шагов. Под окном лежало туловище мэра, прикрытое сверху портьерой и карнизом. Михаила, что называется, «замкнуло», и вместо того, чтобы позвать на помощь, он взял Савелия Сергеевича за ноги и поволок через газон к людям и к жизни.

Занималась заря... «Народ» рассаживался в автомобили, персонал ждал указаний. Только Великолукский, стыдливо спрятавшись в кустах и страдая от ожогов, ждал, когда верный Олежек привезёт ему брюки, трусы и обувь. Тоска разрывала душу, и только бутылка текилы помогала кое-как поддерживать силы.

Суббота решительно вступала в свои права. «Вальпургиева ночь» закончилась, как и положено – огнём.

Глава девятая. Выходные дни

Жизнь течёт своим чередом: утро сменяет ночь и переходит в день, который, достигнув апогея-полудня, становится сумерками. Наступает ночь. Круг замыкается. Так и с недельным циклом: день тяжёлый, понедельник, всё-таки заканчивается, середина недели, целых три дня, как правило, плодотворна, а вот к пятнице люди чувствуют, что усталость накопилась и им просто необходимо сбросить с плеч груз будней. Это происходит везде: на Манхэттене в Нью-Йорке, и в лондонском Сити, и у нас, в Засарайске. «Народ» устаёт всегда одинаково, а вот стресс снимает по-разному. Не нам судить, кто отдыхает лучше, кто хуже. Люди просто устают и хотят восстановить силы к следующей неделе, когда начнётся очередной виток их привычной жизни. Ну, что же? Имеют право. Наверное, нам надо оставить их в покое и дожидаться понедельника. Впрочем, кажется, стоит немного подсмотреть за некоторыми героями нашей истории.

Анфиса не сразу заснула после известных событий. Ей снились кошмары и в них, сменяя друг друга, появлялись и исчезали то Мишка Курилкин в костюме начала 19-го века, то Лука в лапах и с аквалангом в руках, то диджей Пистольеро и ещё много других, неизвестных ей персонажей в невероятных одеждах. Очнувшись от странных сновидений, девушка опустила ноги на прохладный пол и осмотрела комнату. На душе было пусто и противно. Она не понимала, что происходит, но чувствовала, что стала совершенно другим человеком. Каким? Анфиса ещё не знала.

Лука сидел напротив Олега и тупо смотрел на полупустую бутылку виски, нехотя ковыряя вилкой разогретую тушёнку с луком. Подняв глаза на товарища, Владимир Владимирович подул на забинтованные кисти рук:

– Значит, говоришь, что с Фиской всё в порядке?

Олег обрадованно заёрзал на стуле и с готовностью откликнулся.

– Лука! Не бери в голову! Всё в полном порядке. Волосы немного подгорели, да каблук отломился, ну и хромала чуток. А так всё нормалёк! Её в машину Мишка, сынок члена власти, усаживал! – Олег широко улыбнулся и вдруг осёкся, увидев, как и без того красное лицо начальника исказила гримаса бешенства. – Постой, Лука! Я что-то не то сморозил?

Владимир Владимирович с трудом поднялся со стула:

– Да, нет, Олежка... ты всё правильно сказал. По теме! Я, значит, спасти её... в огонь... А она, значит, с Мишкой-ушлёпком?

Олег осторожно пригубил пахнувший сивухой напиток и тоже поднялся из-за стола. Так, на всякий случай. Он-то знал крутой характер начальника не понаслышке.

– Лука! Ты, это... не бери в голову. Анфиса ведь не овца, чтобы тебя на ушлёпка поменять. Кто он? А кто ты? Сам подумай!

– Тут и думать нечего. У него высшее образование, в столице учился, у папаши денег куры не клюют. Да ещё он и подвернулся вовремя! Пока я её разыскивал, он тут как тут! Весь в белом и на белом коне!

Лука подошёл к окну и тоскливо посмотрел во двор:

– Слушай, Олег! Ступай домой. Я прилягу. Засну, может быть.

Нечасто шеф называл его полным именем, поэтому парень не стал напрашиваться на неприятности и ушёл, осторожно, без стука прикрыв дверь квартиры.

Савелий Сергеевич проснулся внезапно, как от бесцеремонного толчка. Открыв глаза, он сел на диван и ошупал затылок. Боль тонкими иголками дала о себе знать. Мэр тихо застонал и откинулся на спинку. В доме было тихо, как ночью на кладбище. Только внизу, на первом этаже почти бесшумно суетилась прислуга. Настроение – ниже нулевой отметки. Как ни гнал Селиванов воспоминания о прошедшем вечере, они властно и нагло возвращались к нему. Хорошо ещё Эля уехала домой!

– Дура! – вслух сказал глава Засарайска. – И я – дурак! Какого чёрта попёрлись в Академгородок? Сидел бы сейчас на даче в Похмелках. А тут: коттедж сгорел, сам чуть не погиб, да и диджей чуть «кони» не двинул! Да! Шуму будет... Что делать-то?

Мужчина подошёл к бару, достал бутылку коньяка и, посмотрев на свет прозрачную жидкость, вернул её на место. Не время, стало быть... Надо что-то решать. Мыслей не было. Было немного стыдно. За себя. Сейчас он понимал, что мог повести себя на пожаре по-другому. «Ладно, я не виноват, – успокаивал себя мэр, – если бы не проклятый карниз, я бы всё сделал, как надо: организовал бы эвакуацию, руководил бы спасателями. Всё бы сделал, как положено!».

На мгновение тоска ушла, Савелий Сергеевич снова посмотрел на бар. «Достать, что ли? – но вновь проснувшееся чувство гадливости к самому себе змеёй вползло в его сердце. – Нет! Не время! И Остерман, скотина, знает же всё! И молчит, как будто я умер. Плетёт, наверное, свои интриги... Решает, как ситуацию к своей выгоде развернуть!». От этих мыслей стало совсем плохо. Мэр присел в кресло и опустил голову на руки. Ему вдруг захотелось заплакать. Как в детстве. Горько и навзрыд. Не получилось...

Дверь осторожно приоткрылась, и в щель робко проникла голова домохозяйки.

– Савелий Сергеевич! Тут к вам Генрих Иванович с этим, как его... ну, из «Члена». Впускать? – глаза женщины были полны сочувствия и почти материнского тепла. – А то я скажу, что вы заболели. Вон как голова-то, вся в бинтах!

Селиванов почувствовал, что спасение рядом. Не бросил его Остерман. Нет, не бросил! Выручит, как тогда, десять лет тому назад, выручил! Мэр с нескрываемой признательностью посмотрел на женщину:

– Спасибо тебе... Скажи, что я через минуту буду готов. Только умоюсь.

Дверь тихо закрылась, и мужчина пошёл в душевую, бормоча на ходу:

– Примчались, голубчики! Знают, что без меня никуда! Без меня они, все – пустое место! Интересно, что там Немец придумал? Умён, заместитель!

Прошло десь минут, и Савелий Сергеевич вышел из душевой комнаты. Побрился он не слишком удачно, порез на подбородке пришлось заклеить пластырем, и это немного портит улучшившееся было настроение. Впрочем, рассмотрев своё отражение в зеркале, мэр увидел, что пластырь и забинтованная голова довольно органично сочетаются, придавая ему вид мужественного страдальца. «Ладно, пойдёт! Всё, что ни делается, всё к лучшему! – Сели-

ванов осмотрел комнату. – Куда же мне сесть? Сейчас мелочей нет, не зря же Остерман привёл Глинкова. Видать, что-то придумал... в кресле встречу... за столом!».

Мэр, чуть прихрамывая, подошёл к столу и отодвинул на край ноутбук. Присев в кресло, он положил перед собой невесть откуда взявшийся прошлогодний экземпляр «Органа Власти» и открыл газету на третьей странице. Ещё раз осмотрев кабинет и с шумом выдохнув воздух, нажал кнопку вызова. Дверь отворилась с трёхсекундной задержкой, в проёме, словно вышколенный лакей, стояла домохозяйка, которая произнесла торжественным голосом.

– К вам Генрих Иванович и Дмитрий Сергеевич! – осознав свою оплошность, женщина покраснела и постаралась исправить ошибку. – Сергей Дмитриевич, главный редактор «Члена Власти».

– Марина Евграфовна! Сколько раз вам говорить: «Орган Власти»! – Савелий Сергеевич досадливо поморщился. – Пригласите.

Первым на пороге появился несколько сконфуженный Сергей Дмитриевич. Он старался не смотреть на оплошавшую женщину, но в душе закипала обида. Главный редактор всегда очень близко принимал к сердцу нападки на его детище. За журналистом осторожно вошёл Генрих Иванович. Его глаза излучали сочувствие и сострадание. Савелий Сергеевич ощутил тепло в груди и придал лицу ещё более страдальческое выражение. С видимым трудом он привстал с места и гостеприимно показал на кресла у стола:

– Присаживайтесь, господа! Прошу прощения за внешний вид...

– Савелий Сергеевич! Не надо слов! Пожалуйста, не напрягайтесь! – расчувствовавшийся Сергей Дмитриевич замахал руками. – Мне Генрих Иванович всё рассказал: и как вы поехали на ночь глядя в Академгородок для проверки готовности коттеджей к приёму профессуры, и как людей из огня спасали, и как ранение получили! Я вот напросился взять интервью из первых уст, так сказать! Вы не возражаете? Или как? А то... я всё понимаю! Такое ранение – не шутка! Приеду в следующий раз... Или как?

Селиванов не мог видеть, как Остерман толкнул ногой главреда, но увидел, как тот поморщился.

– Что с вами? Заболели? – голос руководства звучал участливо, без подтекста. Савелий Сергеевич ещё не осознал смысл слов Сергея Дмитриевича. Ему просто хотелось хоть как-то отблагодарить посетителей. – Может, таблетку?

Генрих Иванович слегка подтолкнул оторопевшего Глинкова к столу:

– Не беспокойтесь, Савелий Сергеевич! Всё в полном порядке. – заместитель скромно присел на стул, стоящий в углу кабинета. – Извините, что я взял на себя смелость без вашего согласия рассказать Сергею Дмитриевичу про ваше героическое поведение на пожаре. Не удержался... Я-то сам позже приехал в Академгородок, когда вы уже вынесли из коттеджа шестерых пострадавших. Люди мне говорили, что, если бы не ваше руководство, то пожарные не справились бы с задачей. Мы бы не избежали трагических последствий. А ведь там были дети простых горожан! Избирателей.

Селиванов вдруг понял замысел Генриха Ивановича. От былой неуверенности и робости не осталось и следа. Откинувшись на спинку кресла, он придал лицу соответствующее выражение.

– Перестаньте, Генрих Иванович! Я просто выполнял свой долг, – мэр вдруг почувствовал, что его сейчас понесёт, и решил ограничиться коротким штампом, – на моём месте любой руководитель города поступил бы также.

– Всё так, Савелий Сергеевич, всё именно так, как вы говорите, – Остерман слегка наклонил корпус и понизил голос, – но вы же знаете, что нечистоплотные люди (а они, к сожалению, есть и в Засарайске) могут исказить факты и постараться очернить ваше имя. Считаю, что нам нельзя этого допустить. Ни в коем случае! Именно из этих соображений я попросил Сергея

Дмитриевича прервать свой выходной день и взять у вас интервью по горячим следам, чтобы люди узнали правду из первых уст. И непременно в понедельник.

Селиванов поднялся над столом. Он уже искренне верил словам заместителя. Почувствовав себя героем, едва не оказавшимся на краю пропасти, вырытой руками недоброжелателей, мэр с некоторой горячностью произнёс:

– Вы правы, Генрих Иванович! Вы – абсолютно правы! Мы обязаны сохранить спокойствие в городе. Мы никому не позволим дестабилизировать ситуацию. Я – готов!

Чиновник, как бы обессилев, опустился в кресло.

– Приступайте, Сергей Дмитриевич. Я отвечу на все ваши вопросы. Подробно и объективно.

Глинков, почувствовав приближение своего звёздного часа, включил диктофон, раскрыл блокнот и вытащил из сумки фотоаппарат с огромным объективом:

– Я сделаю несколько ваших снимков за рабочим столом. Они оживят статью. Или как?

Савелий Сергеевич с лёгким стоном откинулся на спинку и хотел прикрыть глаза, как вдруг увидел на лице Остермана кривую и ехидную ухмылку. А может быть, ему только показалось? Мы не знаем... давайте оставим их в покое. Ведь они работают в свой выходной день.

Мишка-«ушлёпок» сидел в полутёмном привокзальном баре и пил пиво. Он, как и многие другие участники описываемых событий, так и не смог уснуть. Может быть, от усталости, а может, от переизбытка эмоций. Сидеть дома отставной журналист не мог, давили тишина и стены. Непонятно почему, ноги сами принесли парня в бар, пропахший кислым пивом и другими испарениями. Ему было тяжело дышать, возможно, из-за последствий пожара. Время тянулось лениво и медленно. «А ведь правильно кто-то заметил, что время непостоянно! Оно может ускоряться и замедляться, – Михаил попытался изгнать из головы никчёмные мысли о времени, но – не получилось. – Вот, сегодня ночью мне определённо не хватало времени, я уже и не думал, что найду девчонок живыми. Потом оно само по себе притормозило и до сих пор не хочет вернуться в естественный ритм. Кажется, что сегодняшней день не закончится никогда». Парень опустил голову и вдруг понял причину глубокосидящей внутри тревоги. В понедельник ему некуда и незачем было идти. Его уволил собственный отец! Он больше не журналист. А если Анфиса не захочет его принять в штат «ЖГ», то ему надо будет уезжать из Засарайска. Без денег и рекомендаций. В никуда. Михаил поднял голову и сказал вслух:

– Шанс есть!

– Вот и я говорю: «Шанс есть всегда», – перед Михаилом стоял парень в косухе и серьгой в ухе, – присяду?

Молодой человек не стал дожидаться разрешения и опустился на табуретку.

– Фил, байкер, официант и пока несостоявшийся докторант в академии лингвистики, – парень пристально всматривался в лицо Михаила, – я тебя узнал, это ты девчонок вытащил из коттеджа, а потом и эту шишку за штаны притащил. Вот потеха была! Штаны-то, в конце концов, сползли, а ты рухнул без сознания. Я тебе нашатырь под нос ещё сунул! Не вспомнил?

Михаил с тоской посмотрел на незваного собеседника:

– Послушайте, байкер-спаситель, или как вас там? Фил? Оставьте меня в покое! Я хочу побыть в одиночестве...

Фил не обиделся. Очевидно, парень вообще не умел обижаться. Таких людей не так много на белом свете. Их называют «лёгкими людьми». Наверное, это не совсем правильно, ведь они забирают на себя часть негатива совершенно незнакомых людей. Байкер-докторант дружелюбно улыбнулся и, перегнувшись через стол, слегка хлопнул страдальца по плечу:

– Слушай, не парься! Лучше поехали кататься на байке? У меня, правда, «ижак», но он после реставрации весь в хrome, и двигатель форсирован. Мне его в крутом столичном тюнинг-ателье доводили. Денег срубили немерено, но зато теперь любой «Харлей» отдыхает! Погнались?!

Курилкин посмотрел на возбуждённого парня, улыбнулся и легко поднялся из-за стола:
– Погнали!

Глава десятая. «Дурные» вести

Эдуард Арсеньевич изнывал от безделья в гостиничном номере. Рано утром он просмотрел бои UFC по телевизору, заставил себя съесть вчерашнюю пиццу, запил её пивом и заскучал. Недолго «посидев» в социальных сетях, молодой человек подошёл к окну и посмотрел на столицу. Она жила своими заботами и совершенно не интересовалась проблемами гостей. Ей было всё равно. Забегалов задёрнул тюль: «Блин! Скорее бы понедельник, начнутся занятия, хоть какое-то развлечение. Ещё месяц слушать этот бред про креатив. Потом ещё и зачёты... Хрень, конечно, зато сертификат дадут. Лишним не будет! Ещё не известно, что там Савелий задумал». Воспоминания о недавнем разговоре с Медвежатниковым окончательно испортили настроение. «Бухнуть, что ли? И заснуть до понедельника, – Эдуард посмотрел в сторону холодильника, – нет... ещё хуже будет. Жаль, что нет смысла звонить архитектору, в выходные Засарайск вообще спит как слон!». Забегалов никогда не видел спящего слона. Просто в голову пришло. «Зря я так! В Засарайске я – первый заместитель главы, власть, так сказать... А здесь? Никто, «гость столицы» ... Противно!». Телефон зазвонил неожиданно и тревожно. Эдуард Арсеньевич с опаской посмотрел на гаджет: «Не буду отвечать, – он надавил на кнопку «отклонить», – ничего ведь, кроме гадостей, не скажут!».

Тщательно уложив мобильник под подушку, Забегалов решительно направился к холодильнику: «Напьюсь и засну!». Приглушённый пуховым предметом телефон остановил его на полпути, как выстрел в спину. Чертыхаясь про себя, чиновник вернулся к кровати и включил громкую связь:

– Алё!

– Доброе утро, Эдуард Арсеньевич! Медвежатников беспокоит, – голос абонента действительно звучал тревожно, – считаю необходимым проинформировать вас. События чрезвычайно важные!

– Слушаю вас, Аркадий Константинович, – Забегалов внезапно успокоился и немного приврал, – говорите тише, я не один.

– Хорошо, – архитектор пропустил мимо ушей последнюю фразу руководителя и продолжил с той же громкостью, – в Засарайске ЧП! Мне только что звонил Охлопков и сообщил, что Савелий Сергеевич сильно обгорел на пожаре в Академгородке и сейчас лежит в реанимации. Выживет, или нет, неизвестно...

– Постойте, – Забегалов резко перебил информатора, – дайте собраться с мыслями. Что он делал в пятницу ночью в посёлке?

– Иван сказал, что убедил шефа поехать туда с инспекцией, проверить, как реализуется городской образовательный проект... Идиот!.. Извините, я про «вахтёра». И там, по дороге, то ли «мерин» загорелся, то ли ещё что-то приключилось, он сам не знает, его в реанимацию к мэру не пустили, сказали, что Савелий в тяжелейшем состоянии...

– Информация достоверная? – первый заместитель мэра почувствовал приятную дрожь в членах. – Шеф при смерти? Я точно вас понял?

– Точнее не бывает, Эдуард Арсеньевич! Иван Сергеевич врать не умеет, тем более мне, – последнюю фразу Медвежатников произнёс ради красного словца, но Забегалов её уже не слышал, так как выключил телефон.

«Вот он – мой звёздный час! И никаких выборов не надо... всё само собой устроилось! – чиновник пытался привести мысли в порядок. – Само собой... Блин! С чего начать? Позвонить Охлопкову и сказать, чтобы к моему приезду собрал экстренное совещание? Дельно!». Рука уже было потянулась к телефону, как вдруг внезапная мысль молнией мелькнула в мозгу: «Стоп! После ЧП в городе поднимется переполох, или вообще беспорядки начнутся, коллеги

растеряются, и тут я собственной персоной с готовой программой действий! Я – спаситель Засарайска. После этого меня точно утвердят в должности!». Забегалов вскочил с постели и стал суетливо укладывать вещи в чемоданы.

Эх, молодость! Её спутники: доверчивость, эмоции и нехватка жизненного опыта. Да и когда он собирается «готовый» план действий разрабатывать? Наверное, в самолёте? Ну-ну... всё-таки два часа полёта. Хватит ли времени? Посмотрим. Жизнь покажет...

Средиземное море уже порядком надоело и дочкам, и самой Яне Александровне. Ещё бы! Каждый день одно и то же: сон до завтрака, пляж и редкие прогулки по нерусскому городку с трудновыговариваемым названием. Выручали, правда, занятия в фитнес зале и вечерние «отрывы» с жёнами высокопоставленных соотечественников. Молодой женщине было неловко признаться подругам в тоске по Засарайску и мужу. Она искренне любила и ужасно ревновала Савелия Сергеевича и, в отличие от других, никогда не хвасталась победами на амурных фронтах. Было и ещё одно обстоятельство: там, пусть и в небольшом городе, она была Первой Леди, а здесь, на курорте, просто «жена мэра из какого-то захолустья».

Яна Александровна, сидя за столом, предавалась тяжким мыслям и внимательно наблюдала, как девочки нехотя ковыряются в тарелках с морепродуктами.

– Мама! А почему здесь макароны называют пастой? Их что, из зубной пасты варят? – пятилетняя Маша невесело посмотрела на Яну. – Фууу! Не хочу есть «зубные» макароны! Я ими утром зубы чистила!

– И я не хочу пасту зубную есть! – младшая Варя поддержала сестрёнку. – Я, например, хочу манную кашу, как Марина Графовна готовит! Когда мы домой к папе поедим?

Мама, с трудом сдерживая улыбку, приняла серьёзный вид и сложила руки на груди:

– Вот что, девочки! Во-первых – вы сейчас кушаете не «зубные» макароны, а полезные морепродукты. Во-вторых: ты, Варя, сама дома говорила, что терпеть не можешь манную кашу. В-третьих: не «Графовна», а – «Евграфовна». Ну а к папе мы поедим уже скоро, через десять дней. Сядем в большой красивый самолёт и полетим домой! Договорились? Только сначала вы должны всё скушать, чтобы в тарелках ничего не осталось...

Мелодично зазвонил «домашний» мобильник. Женщина подошла к прикроватной тумбочке и поднесла телефон к уху:

– Алё! Слушаю вас.

– Слушай, родная, слушай! Загораешь, наверное? – говорившая на том конце света женщина явно старалась казаться развязной и пьяной. – Твой мужик угорел с проститутками в бане в Похмелках. А ты – загорай...

– Кто вы? Что вам надо? – Яна говорила уже в пустоту. Короткий гудок больно ударил по перепонке.

Звук отодвигаемых от стола стульев на мгновение вернул женщину в реальность. Она подняла голову и осторожно вытерла ладонями глаза. Младшая дочка подошла и положила измазанную соусом мордашку на материнские колени:

– Мама! А, что, в море продукты продаются? Когда мы домой на самолёте полетим? Ты что – плачешь? Говоришь, что плакать нельзя, а сама – плачешь!

Глава одиннадцатая. «Гингемины» пляски

Анастасия Максимовна вытащила из телефона «симку» и спрятала миниатюрный пластиковый модуль в комод. Вдруг ещё пригодится? Немного подумав, сунула туда и новенький смартфон. Так, на всякий случай... Она пока не знала, зачем позвонила и соврала жене главе города. Может, от обиды на жизнь, а может, просто так! У одиноких средних лет женщин за плечами всегда много нереализованных планов. Особенно, если у них нет детей. Карьера? А что карьера? Выше должности начальника отдела не подняться, а значит, придётся просто

доживать. Без просвета и без перспективы. Другая женщина, на месте госпожи Топчилиной смирилась бы с неизбежностью и занялась вязанием или купила дачный участок. Где-нибудь за Похмелками или в тех же Впердяках. Анастасия Максимовна уже было смирилась, даже землю начала присматривать, как вдруг вялотекущая засарайская жизнь, что называется, «вышла из-под контроля». Упустить такую возможность Топчилина не могла. Чёткого плана у неё не было, да и планировать чиновница никогда не умела, и потому решила руководствоваться интуицией. А женская интуиция – это сила, поворачивающая вспять реки. Плохо было то, что она никак не могла определиться с конечной целью своей интриги. Ну, не занять же, в конце концов, селивановское кресло?! Впрочем, как знать?..

Первый звонок главному редактору «Эксклюзива» дался ей нелегко. Анастасия долго тренировалась у зеркала в спальне, стараясь выработать несвойственные ей командные нотки. Кстати, почему она остановилась на кандидатуре Близняка, тоже не очень понятно. Мстительность – не черта её характера, и факт игнорирования Вадимом Борисовичем презентации проекта «Поддержки молодых мужчин Засарайска» не мог стать первопричиной выбора. Может быть, потому что главный редактор «второй» газеты города был разведённым мужчиной? Может быть, и так. Впрочем, более вероятной представляется другая причина: скрытая неприязнь Близняка к Савелию Сергеевичу, связанная с постоянными санитарными «наездами» на газету. Не зря же местная интеллигенция считает «Эксклюзив» оппозиционным изданием! Нам представляется, что в этом, конкретном случае оба варианта имеют право называться решающими. Жизнь покажет.

Анастасия Максимовна вышла на балкон и закурила сигарету. Она курила мало и редко, но иногда никотин помогал ей расслабиться. Во дворе дети постарше играли в футбол, а малыши строили дворцы в песочнице. Молоденькие мамочки обсуждали на скамейках вековые семейные проблемы и грелись на солнышке. «Расселись, курицы! Как на насесте, – с неожиданной злостью подумала Топчилина и, чтобы хоть как-то оправдаться перед собой, мысленно добавила, – вас бы на моё место!». Расстроившись из-за собственной глупости, женщина затушила сигарету и вернулась в комнату. Одиночество становилось просто невыносимым, и она решила позвонить управляющей делами, чтобы узнать хоть какую-то информацию. «Уж Алька наверняка что-то новенькое узнала. Сама разболтает, – Анастасия Максимовна перелистывала записную книжку телефона, – глупая она, Алевтина! Связалась с Остерманом, а он теперь грузит её «по-чёрному»! Да где же ты? Не часто, видать, перезваниваемся». Вообще-то они были в неплохих отношениях, насколько это возможно в условиях бюрократической иерархии, просто общались мало. Да и заносило иногда Алевтину Михайловну «не туда». Тем не менее, лучшего источника информации Топчилина сейчас найти не могла. Нажав кнопку вызова, женщина тихонько перевела дыхание и радостно прошептала:

– Привет, Алевтиночка Михайловна! Не разбудила? Я тут только из гостей вернулась, дай, думаю, позвоню подруге. Поболтать что-то захотелось!

В телефоне что-то забулькало, и связь прервалась. «Блин! Звонок сорвался! Второй раз звонить неудобно, – расстроенная интриганка отложила мобильник в сторону, – облом, как говорит Лука Владимирович!». Она не успела закончить мысль, как трубка лихорадочно завибрировала.

– Алё! – Топчилина чуть не выронила телефон из вспотевшей ладони. – Я говорю, вот, поболтать с тобой решила...

– Правильно, что позвонила, – «подруга» в нетерпении перебила коллегу, – тут такое творится! Про пожар в Академгородке ты, наверное, уже знаешь? Там Анфискин коттедж загорелся. Некоторые отороженные болтают, что шеф его сам от злости поджёг. Но ты не верь! Мне Остерман сейчас звонил, только, что... Говорит, что Савелий лично семерых человек из огня вынес и ещё из шланга пламя сбивал! Как настоящий спасатель из сериала. Генрих Иванович повёз Глинкова домой к Селиванову интервью брать, чтобы к понедельнику в «ОВ»

статья во весь разворот была готова. Меня попросил название придумать. Как ты думаешь, «Герой нашего города» нормально будет?

Анастасию Максимовну охватило радостное предчувствие удачи, теперь надо было поскорее отделаться от ставшего бесполезным «агента»:

– Классное название! Почти как «Вишнёвый сад» у Достоевского! – Топчилина понимала, что запуталась в авторстве классиков и несёт откровенную ахинею, но ей нужен был повод, чтобы без последствий для себя отделаться от «актрисы». – Не сомневайся, я уверена, что Генрих Иванович будет в восторге.

– Правда? Мне тоже так кажется! – Алевтина даже взвизгнула от удовольствия. – А ты уверена, что «Вишнёвый сад» Достоевский написал? Я, правда, не совсем уверена, но, кажется, что это чеховский спектакль. Я в нем одну из трёх сестёр играла. Ту, которая Чайкой в финале оказалась...

– Слушай, Алевтиночка Михайловна! Ко мне тут с ответным визитом должны прийти знакомые. – Топчилина говорила очень спокойно, как говорят люди, привыкшие встречать гостей. – У меня пирог вишнёвый в духовке поспекает. Боюсь, подгорит... Я тебе позже перезвоню. Ладно?

Торопливо выключив телефон, чтобы подруга случайно не напросилась в гости, Анастасия снова вышла на балкон и, закулив сигарету, сказала вслух:

– Сидите, курицы? Ну-ну! Сидите, сидите... на своих насестах! Тут, такая бомба! И, самое главное, я знаю, что с этой «бомбой» делать! Всё очень просто...

Женщина затушила недокурную сигарету и, вернувшись в комнату, снова взяла в руки мобильный телефон.

Глава двенадцатая. Короткая. Сестра Бастинда

– Вот сучка! – Алевтина Михайловна с гневом, достойным сцены, отложила телефон. – Могла что-нибудь правдоподобное придумать, а то – гости! Да кто к тебе в гости в субботу-то придёт? Такие же амёбы одноклеточные. Чего звонила-то? Какой у этой медузы интерес? Шмыгает по мэрии, как мышь серая... тля беспозвоночная!

Наградив недавнюю собеседницу столь яркими эпитетами, Курдюкова успокоилась и налила в бокал немного красного вина: «Интересно, когда муженёк с рыбалки вернётся? – пригубив глоток Alma Valley (она предпочитает отечественные брэнды). – Отпросился до утра, а уже полдень... Скотина! Ну да ладно... толку с него... всё равно приедет и спать завалится! Чего же всё-таки Настька хотела? Может и правда, просто поболтать? Что-то здесь не так! Никогда она не интересовалась пьесами. А название ей понравилось. Наверное, и в самом деле хорошо получилось: «Герой нашего города»! Как пьеса Достоевского. Кстати, надо будет в инете посмотреть, кто «Вишнёвый сад» написал. Жаль, что Чехова никогда не играла. Да и Достоевского тоже не приходилось».

Мадам Курдюкова подлила в бокал вина: «Нет, неспроста мышь белая звонила! Может, тоже на Немца работает? Скорее всего, Генрих сказал ей проверить, как я отреагирую на звонок, и проболтаюсь ли?». От последней мысли актрисе стало не по себе: «Блин! А я-то, овца, наболтала ей невесть что! Слабину дала, – Алевтина отставила пустой бокал, – надо срочно Генриху Ивановичу позвонить. Может, получится заглазить прокол?». Настроение обрело тёмные тона, и на душе стало пусто и страшно. С Остерманом шутки всегда плохи! Преодолев острое желание самой превратиться в маленькую серенькую мышку, Алевтина Михайловна взяла телефон и, отыскав имя нужного абонента, нажала кнопку вызова.

Остерман отозвался мгновенно, после первого гудка, как будто постоянно держал аппарат около уха.

– Рад вас услышать, Алевтина Михайловна!

Курдюкова проглотила внезапный ком в горле: «Как же, «рад»! Сейчас издеваться начнёт!». Говорить очень не хотелось, но деваться было не куда. Сама ведь позвонила.

– И я безумно рада! – ответила любезностью на любезность актриса. – Я бы вас не стала беспокоить, но тут такое дело: мне только что звонила Топчилина, выспрашивала про вас и Савелия Сергеевича. Я, конечно, ничего ей не сказала, но поняла, что Настя знает про интервью.

– Анастасия Максимовна? Что за ерунда? Ей-то это зачем? – казалось, что Генрих Иванович не обеспокоен, но сильно озабочен.

Алевтина решила подлить масла в огонь, уж очень ей захотелось позлить своего начальника:

– Я сама не знаю, но как-то странно... Особенно про интервью!

Остерман был умён, образован и искущён в подковёрных играх, но, если бы мадам Курдюкова не перегнула палку своей последней репликой, то и Генрих Иванович, пожалуй, принял её информацию за чистую монету. Актриса сама виновата... Расплата последовала незамедлительно:

– Ты, курица драная! Про интервью с Селивановым знала только ты одна! Я позвонил только тебе... Никто знать не мог! И ещё – вы, Алевтина Михайловна, сделали то, о чём я просил вас в письме?! Конверт хоть распечатали?

Курдюкова буквально рухнула на диван. Страх железною рукою сдавил её горло. Она абсолютно забыла про конверт! Выпитый накануне коньяк не только снял с души напряжение, но и лишил её памяти. Врать было очень опасно, но Алевтина была настоящей женщиной:

– Генрих Иванович! Следите за словами! Вы сами мне срок не назначили, вот я и решила заняться поручением с утра, в понедельник! И Настя всё знала! Вы уж там сами между собой разбирайтесь, – актриса тут же выключила трубку, но не от обиды за поруганную честь, а от страха продолжить опасный разговор с Немцем.

Остерман, услышав резкий сигнал отбоя, положил мобильник на стол и весело рассмеялся:

– Сработало! Ну, Курдюкова! Тоже мне – актриса погорелого театра... Почти как у Пушкина: «Слух обо мне пойдёт...». Вот только в Засарайске так будет: «слух обо всём».

Серый кардинал подошёл к окну: «А всё-таки, что-то здесь не так! Топчилина по выходным дома сидит, носа не высовывает. А здесь вдруг сама актрисе позвонила. Или работает на кого-то, или свою партию решила разыграть. Ну, что же? Так даже интереснее!». Генрих Иванович вернулся к рабочему столу и глубоко задумался; ему вдруг стало казаться, что в тихую, захолустную жизнь Засарайска пытается вмешаться ещё одна, пока неизвестная ему сила.

Глава тринадцатая. Женская интуиция

Если бы Настя знала, насколько глубоко она вторглась в сферу интересов Генриха Ивановича, то остановилась бы и свернула свою интригу. Ведь с Остерманом шутки плохи! На свою беду Топчилина не знала, куда встревает. Ну, ничего! Может, и пронесёт... Может, и не подведёт её женская интуиция.

Азарт захватил женщину с головой. Жизнь совершенно неожиданно обрела цвета и краски. Новые краски. Сомнения и неуверенность исчезли, как будто их и не было вовсе. Анастасия Максимовна решительно набрала номер Близняка. На этот раз Вадим Борисович откликнулся быстро.

– День добрый, госпожа Топчилина! – голос собеседника звучал неестественно бодро и радостно, так здороваются солдаты на плацу с высоким начальником. – Чему обязан?

Топчилиной стало неловко. Зачем так официально? Немного помолчав, она неожиданно для себя, каким-то тёплым голосом ответила:

– Добрый день, Вадим Борисович! Послушайте, а давайте перейдём на ты? Сколько лет ведь знаем друг друга! Вы не возражаете?

Близняк чуть не свалился с табуретки. Перед глазами замелькали радужные перспективы сотрудничества. Ещё бы, занять в мэрии своего человека дорогого стоит! Едва совладав с собою, он ответил уже нормальным, «человеческим» голосом:

– Я согласен! Правда, есть встречное предложение: давайте ещё и без отчеств? – Близняк понял, что выбрал правильный тон, и продолжил. – Давайте на счёт три! Раз, два... три! Стартуем!

Анастасия почувствовала, как оттаяло её сердце. Ей стало так хорошо и радостно на душе, как не было уже давно.

– Спасибо вам, то есть тебе, Вадим! Ты даже не знаешь... как для меня это важно! – Топчилина спохватилась, как бы лишнего не наговорить. Она вернула голосу обычную интонацию и продолжила. – Есть новости с фронта. Тебе интересно?

Вадим не заметил изменения в интонации собеседницы, но каким-то внутренним чутьём почувствовал, какие слова он просто обязан произнести:

– Жаль, когда в отношения вмешиваются дела! А я хотел тебя на ужин пригласить... Сегодня или завтра...

Удар был нанесён в самое сердце одинокой женщины. Настя попыталась вспомнить, когда в последний раз её приглашал на ужин мужчина, просто так, без причины. Не вспомнила! Да и было ли?.. Так и не вспомнила... С трудом подавив желание плюнуть на дела и по-девичьи пококотничать с Близняком, Анастасия Максимовна сделала выбор в пользу интриги:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.